

С Т Е Н О Г Р А М М А

парламентских слушаний на тему "Язык закона в терминологической лексике русского языка"

6 июня 2022 года

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уважаемые участники сегодняшних парламентских слушаний! Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству проводит очень важные парламентские слушания.

Я вот не помню, Владимир Борисович, чтобы проводились по такой теме парламентские слушания в парламенте, но очень хорошо, что мы наконец-то созрели для того, чтобы обсуждать не только на научных конференциях тему языка закона, юридической терминологии, но и обсуждать здесь, в здании Совета Федерации, верхней палаты.

Причем обратите внимание, что организатором, инициатором парламентских слушаний является еще Людмила Николаевна Скаковская, бывший ректор Тверского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, поскольку эта тема – юридической терминологии – безусловно, очень тесно связана с лексикой русского языка, и это взаимосвязанные ценности, скажем так. И естественно (или обоснованно), что мы обсуждаем это, скажу так, на стыке и лингвистики, и юриспруденции.

Когда мы формировали список участников (Людмила Николаевна Скаковская подойдет; сейчас идет заседание комитета,

и мы договорились, что она сразу подойдет и потом, в конце, тоже выступит), помимо традиционных приглашений, как это принято в Совете Федерации, мы посчитали необходимым пригласить тех, кто давно занимается темой терминологии в лингвистике и юридической терминологии.

Обращу внимание, что юридической терминологией, вообще, немного школ занимается в стране, но есть очень сильные – в Белгороде (Владислав Юрьевич Туранин здесь, и мы очень рады, что он выступит у нас сегодня с докладом), Нижнем Новгороде, Воронеже, в основном на базе высших учебных заведений, – терминологические школы, где, скажу так, преобладающее значение приобретает точка зрения о том, что терминология – очень серьезная составная часть сферы законодательства и к ней тоже должны предъявляться особые требования.

Часть участников сегодня с нами в режиме ВКС участвуют, и они к нам тоже присоединятся.

Я благодарю всех, кто прислал предложения к проекту рекомендаций. Мы вам сегодня его раздали. Часть предложений, которые поступили заранее, мы включили уже в проект рекомендаций, но есть возможность с ним поработать. До конца этой недели можно присылать замечания, предложения к нему, а затем он будет вынесен на заседание комитета для принятия сначала за основу, а потом уже и для окончательного принятия, и мы будем по нему работать. То есть все то, что вы здесь предложите...

Я во вступительном слове хотела бы обратить внимание на некоторые моменты, что важно сегодня в законодательной деятельности.

Будьте добры, включите презентацию для вступительного слова (там у меня всего восемь слайдов).

Я хотела бы обратить внимание на некоторые моменты, которые очень важны для обсуждения темы "Язык закона в терминологической лексике русского языка".

Право – вообще, уникальный феномен, и все, кто здесь присутствует, особенно представители сферы юриспруденции, прекрасно знают, что это так. Оно многолико: право – это и нормы, это система норм, это и правоприменители, те, кто обеспечивает реализацию норм, это коммуникации, множественные коммуникации правового взаимодействия, или правоотношения, совокупность правоотношений, в которые вступают граждане, реализуя свои права. И одна из основных, универсальных форм жизни права – это закон, а закон – это слова, он состоит из слов. И вот эта особенность закона, что как бы слова превращаются в самую малую конструктивную единицу, частицу закона, очень важна, но этот фактор до сих пор не учитывался.

В многочисленных экспертных заключениях, в рамках законопроектной деятельности я не один раз сталкивалась с тем, что весьма уважаемые экспертные институты, участвующие в законотворческом процессе, запросто пишут в своих заключениях, что термин юридический не имеет существенного значения, его неопределенность легко может быть исправлена с помощью толкований, которые дают суды, либо разъяснений, которые дают в целом правоприменители. За счет того что термин неопределенен, право становится живым, и его легко можно... то есть любой закон легко можно приспособить к любой ситуации, а жизнь, естественно, тоже многолика. Но на самом деле в обществе,

особенно в цифровом обществе, если учитывать востребованность людьми справедливости, такого рода подходы устаревают. Не норма является, скажу так, самой малой частицей системы права и закона, а именно термин (любая норма состоит из терминов). И вот эта маленькая частица — как дом: если качественный материал — кирпич, бревно, доска, то тогда и конструкция целая, если же некачественный, то, естественно, дом может рухнуть. То же самое и с законом: если не определены термины, из которых складываются нормы, из которых состоит закон, то мы в жизни получаем следствия, которые очень нежелательны. Терминологическая правовая неопределенность фактически оборачивается в нашей жизни пословицей: закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло. Потому что действительно — как истолкует правоприменитель, так и будет. Поэтому где-то даже выгодно, чтобы термины были неопределенные.

Терминологическая сложность закона. Законы действительно (и очень многие ученые это отмечают; я думаю, будут говорить об этом и здесь сейчас) невероятно сложны — причастные, деепричастные обороты, иногда предложение может растягиваться на несколько страниц (посмотрите Налоговый кодекс и ряд других). Поэтому фактически люди боятся таких законов, они их не понимают. И непонимание закона в данном случае равнозначно его незнанию. Незнание от ответственности не освобождает (это все знают), но от права-то освобождает, потому что как вы воспользуетесь правом, если вам не понятно, как это сделать, куда пойти, какие вы риски можете нести? Поэтому естественно, что люди начинают жить помимо закона, вне закона, пытаются обойти его. И у нас в определенном смысле сложилась ситуация, когда сегодня сфера юриспруденции и права — это в

основном удел правоприменителей, в лучшем случае — адвокатов, которые не всегда правоприменители. А гражданское общество, то есть те, кто не юристы, или те, кто не участвует в правоприменении, живет само по себе. Отсюда правовой нигилизм, неуважение к закону, который не способен обеспечить добровольное исполнение законов, согласованное взаимодействие людей. И это тоже очень неприятное следствие.

Когда эксперты (некоторые из экспертов, скажу так, не все, это одна из точек зрения) говорят о том, что терминология — вообще формальность, меня это очень удивляет.

Еще 30 лет назад, когда, занимаясь уголовно-процессуальной теорией, я стала сравнивать терминологию Устава уголовного судопроизводства и УПК РСФСР (впоследствии многие из моих оппонентов как раз отмечали эту сильную терминологическую сторону уголовно-процессуального закона), я обратила внимание на то, какие разные приемы могут использоваться, особенно в той части Уголовно-процессуального кодекса и устава, которая содержит статьи до вынесения приговора, то есть до принятия окончательного решения. Посмотрите хотя бы некоторые из терминологических приемов — использования в норме оправдательных и обвинительных терминов одновременно. Я привела некоторые: "преступление", "проступок", "виновность", "невиновность", "оправдывая виновного", "осуждая невиновного" и так далее. Кроме того, перечень приговоров: первым указан именно оправдательный в Уставе уголовного судопроизводства.

Что же касается УПК РСФСР 1960 года, то в тех же статьях, аналогичных, касающихся прохождения судебного судопроизводства, или развития судопроизводства, до вынесения

приговора, совершенно другая терминологическая риторика — только обвинительные термины: "выявление", "раскрытие преступления", "изобличение виновных" и так далее. Соответственно, первым видом решения, которое должен по итогам принимать судья, — это обвинительный приговор, но не оправдательный. Фактически такая терминология задает определенную идеологическую установку, то есть закон приобретает идеологическое значение, он формирует правосознание судьи, от которого зависит окончательное решение. Когда он читает, как той и другой стороне предоставляется... виновный либо невиновный, оправдание либо осуждение, либо когда он читает только изобличение: преступник, виновный, — совершенно очевидно, какое у него формируется представление о данном деле и отношение к подсудимому.

Наши законы содержат очень много многозначных слов (это вообще характерно для русского языка — многозначные слова). Законы фактически индифферентно к этому относятся. Очень редко используется такой прием, как определение термина многозначного только в единственном лексическом значении. И я не случайно, кстати, говорю "термин". Я очень благодарна всем, кто говорит именно о юридической терминологии, потому что для юриспруденции мало того что термин сам по себе, как бы специальный, относится к сфере специальных слов, специальных понятий, специальных терминов, но применительно к юриспруденции он особенно хорош, потому что термин в переводе с латинского — предел, граница, то есть нельзя многозначно то или иное слово понимать, здесь есть предел, единственное лексическое значение. Когда многозначное слово — очевидно, что этот термин должен быть обязательно определен в законе. К сожалению, мы

этого не находим.

В разных законах, регулирующих разные коммуникации, разные сферы взаимодействия, одно и то же многозначное слово может использоваться в разных лексических значениях. Сегодня существует дискуссия – может использоваться в разных или не может? Вот есть уже такая тенденция, в том числе и в правительственных структурах, и у экспертов, – что должно только в единственном лексическом значении во всем законодательстве использоваться одно и то же слово. Как это возможно сделать? Ведь совершенно очевидно, что коммуникации разные, сферы взаимодействия разные. Я вот специально привожу пример семейного, гражданского и уголовно-процессуального законодательства. Результат-то коммуникаций разный. В уголовно-процессуальной сфере... Статья 56: не свидетельствовать против себя и своих близких. Здесь, например, близкие родственники – это не только те, кто связан родством, но и, например, супруги и даже еще более широкий перечень. А в гражданском праве родство имеет значение для наследования по закону в порядке очередности, здесь именно родство имеет принципиальное значение. Поэтому и там, и там должно быть определено, но применительно к данной сфере, данной коммуникации.

Очень серьезная проблема – использования иностранных слов. Сейчас они просто загромождают законодательство. Здесь тоже должны быть установлены некоторые правила. Конечно, в первую очередь это должны быть русские слова, русское объяснение. Иностранные слова могут быть в скобки заключены. Обязательно эти термины должны быть в тезаурусе. И вообще тезаурус в базовых законах обязательно должен быть.

А что такое базовые законы? Мы с вами сегодня вроде бы массив огромный... Вот на сегодня, мы посмотрели, в системе КонсультантПлюс 10 009 федеральных законов. Здесь законы Российской Федерации и ФКЗ. Из них 7106 – это вспомогательные законы о внесении изменений в базовые законы. И что это такое – вспомогательный? Это закон принят о внесении изменений, он как вагончик: доехал до станции, до основного закона, включена в него норма, интегрирована, а дальше он имеет значение только с точки зрения того, когда он вступил в силу, когда поменялись правоотношения, то есть совершенно другая у него, вспомогательная, роль.

И в результате две... Кстати, из оставшихся больше 60 процентов – законы о ратификации международных договоров, двусторонних и многосторонних. Это законы, носящие временный характер, – о федеральном бюджете (разовый), об отчете, например, о федеральном бюджете за очередной год или об упразднении и создании судов. То есть у нас базовых законов, тех, которые регулируют собственно наши отношения, остается где-то 800 с чем-то, но на них 200 с лишним тысяч в той же системе КонсультантПлюс подзаконных актов или нормативных правовых актов правительства и иных федеральных органов исполнительной власти. А что это такое – эти подзаконные акты? Зачастую на них нет ссылок в федеральном законе, у нас разорвана система права. Есть открытая система законов и есть серая, серая среда подзаконных актов огромная, потому что они гражданам недоступны. Их, конечно, сейчас благодаря интернету можно найти. Ну, не все, но очень много. Но ведь это же надо осилить! А люди работают, люди живут, и, соответственно, не все из них обладают юридическими знаниями.

Поэтому совершенно очевидно, что у нас должна быть открытая система, тем более благодаря интернету это очень легко сделать.

Это замечательно – что у нас присутствует и будет сегодня выступать Владимир Борисович Исаков, который как раз в этом ключе предлагает сделать открытым, систематизировав, законодательство, и не только, еще и очень многие виды и научных терминов и так далее. Он сам об этом скажет.

Ну и, конечно, скажу относительно того, как у нас регулируется использование терминологии. А никак! У нас в основном методические рекомендации, причем и в правительстве, и в администрации президента, и в Госдуме, и в Совете Федерации. Как оформить акты? А зачем? Не легче ли принять закон наконец-то о нормативных правовых актах, где и все требования сформулировать применительно к использованию терминологии, структурированию закона? То есть то, что сейчас в методических рекомендациях, только более простым, лаконичным языком, а все, что в методических рекомендациях в виде примеров, – образцы, образцы вот таких юридических документов, которые имеет смысл в качестве приложений к законам (это допустимо) принимать. Потому что вот такого рода юридические документы очень облегчат жизнь всем гражданам. Это и есть правовые стандарты, организация определенной сферы правоотношений. Это очень удобно. Мы в свое время это делали применительно к Уголовно-процессуальному кодексу 2001 года. Эти образцы существовали пять лет. Но, естественно, правоприменителям удобно, когда они сами разрабатывает эти образцы и методические рекомендации. Но все эти образцы, например применительно к УПК, – это не что иное, как

источники доказательств. И, соответственно, когда образец утвержден законом, то уже если бы что-то не так сделали, то этот источник теряет свою силу.

Конечно, удобнее, когда все зависит исключительно от тебя, от правоприменителя. Но вот наша задача сегодня – сделать так, чтобы от хороших, качественных законов, от их ясности, простоты, точности выигрывало все общество, потому что современная легитимация закона – это признание людьми понимания этого закона и реализация его в своем поведении, в своей жизни без какого-либо принуждения, без правоприменителей. Спасибо.

Уважаемые коллеги! У нас очень много записавшихся, но мы попросили, чтобы, во-первых, с докладом выступил Туранин Владислав Юрьевич, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, на тему "Юридическая терминология как политический инструмент". Затем предоставим слово Шелову Сергею Дмитриевичу и Четвериковой Татьяне Дмитриевне.

Пожалуйста.

В.Ю. ТУРАНИН

Добрый день, уважаемые коллеги! Большое спасибо за приглашение, уважаемой Елене Борисовне прежде всего спасибо. Большая честь выступить перед вами по такой важной тематике, посвященной языку закона, юридической терминологии. В рамках регламента (постараюсь его не нарушать) озвучу основные тезисы своего доклада. Сегодня я его озаглавил, может быть, несколько провокационно, но тем не менее, я думаю, вам будет небезынтересно послушать некоторые тезисы, – "Юридическая терминология как политический инструмент".

Уважаемые коллеги! Юридическая терминология является значимым, безусловно, полновесным элементом современного правового пространства. Именно с помощью юридических терминов транслируется сущность нормативных предписаний и тем самым как бы опосредованно выражается государственная воля. Использование того или иного термина в тексте правового акта – это зачастую важный сегмент формирования политической повестки, в том числе на длительную перспективу. Юридический язык является удобным и действенным инструментом, с помощью которого проводится в жизнь политика любого государства. При этом в тех странах, где политические процессы протекают острее, юридический язык и терминология изменяются более активно и зачастую перманентно. Это находит свое выражение в правовых источниках, и прежде всего в нормативных правовых актах, той или иной страны.

Политическую составляющую юридической терминологии можно проследить в контексте формирования системы нормативных правовых актов на различных этапах развития России. Отчетливее всего, конечно же, можно ее увидеть в так называемые революционные периоды формирования нашего государства и права, которые пришлись на конец и начало XX века.

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла кардинальные коррективы в жизнедеятельность российского общества, предопределила формирование в свое время новой государственности и, соответственно, послужила толчком для образования прежде неизвестных правовых институтов и норм. Веяния наступившей эпохи не могли не сказаться и на юридическом языке, который претерпел существенные изменения,

особенно в первые годы формирования советской власти. Владимир Ильич Ленин в свое время говорил о том, что мы должны выставлять свои социал-демократические законопроекты, написанные не канцелярским, а революционным языком. И он также в 1906 году говорил о том, что мы должны уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но не понятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений. Ленинские слова отражали политическую повестку того времени, но при этом они вписывались в общий контекст проблематики формирования доступного юридического языка.

Монтескьё писал о том, что законы ни в коей мере не должны быть изощренными, они рассчитаны на людей с посредственными умственными способностями.

Позиция Ленина проецировалась и в первых правовых актах новой эпохи. Так, например, в постановлении ЦИК и СНК РСФСР "О работе по кодификации законодательства РСФСР" говорилось, в частности: "Предложить Народному комиссариату юстиции и другим ведомствам РСФСР строго наблюдать за тем, чтобы на рассмотрение Совета народных комиссаров вносились проекты законов только в том случае, когда издание нового закона действительно вызывается требованиями жизни, чтобы вновь вносимые законопроекты были согласованы с действующим законодательством, и особенно обратить внимание на то, чтобы законы излагались понятным для широких трудящихся масс языком".

Однако справедливости ради отметим, что методы, с помощью которых формировался юридический язык новой эпохи,

были весьма различны. Зачастую в порыве революционной страсти участники правотворческой деятельности отметили все то, что, на их взгляд, казалось устаревшим и не востребуемым в настоящий момент. В частности, Альберт Семенович Пиголкин, известный ученый, отмечал, что в первые годы советской власти активно пропагандировалась необходимость отбросить широко используемые в буржуазном законодательстве юридические термины и создать новые под тем предлогом, что старая правовая терминология чужда новому обществу, не соответствует революционной идеологии. К примеру, термин "преступление" первоначально был заменен термином "социально опасное действие", "наказание" – термином "мера социальной защиты". Некоторые исследователи предлагали вообще освободиться от таких терминов, как, например, "собственность", "купля-продажа", "аренда", считая их устаревшими и не отражающими новых реалий.

Конечно, данные новации были обусловлены революционностью подходов к построению нового государства, созданию нового формата правовых отношений и, соответственно, формированию советского юридического языка. Это была своеобразная пена революции, опосредованная словами из текста "Интернационала": "Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...". Сейчас вот эта пена постепенно сошла. Тем не менее смена политического устройства государства, произошедшая в начале XX века, повлекла за собой формирование целого пласта новых терминов, которые активно использовались в юридическом языке на протяжении довольно длительного времени, – к примеру, "рабоче-крестьянское государство", "социалистическое государство", "советское государство", "трудящиеся массы", "революционный порядок",

"контрреволюционные преступления", "коммунистическая система собственности", "нетрудовые доходы" и другие. Появление данных и многих других терминов, отражавших новые реалии, позволило разработчикам правовых актов использовать их в качестве политического инструмента, то есть формулировать правовые нормы таким образом, чтобы они вписывались в общую политическую повестку. К примеру, в части 1 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР ("Контрреволюционные преступления") указывалось: "Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и так далее". Нетрудно заметить, что в данной статье используется немало терминов, вошедших в юридический язык вместе с революцией: "контрреволюционные преступления", "международная буржуазия", "капитализм", "коммунистическая система собственности" и другие. Именно с их помощью ярко проявляется политическая составляющая данной правовой нормы. Или, к примеру, можно взять пункт 5 постановления ВЦИК 1922 года "О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР", в котором также присутствует целый ряд терминов — например, "рабоче-крестьянское государство", "трудящиеся массы" и так далее.

Не менее значимые политические изменения произошли в

нашей стране и в конце XX века. Развал Советского Союза повлек за собой кардинальные изменения общественных отношений, тотальное разрушение сформировавшейся правовой системы. Как и в 1917 году, с "корабля современности" были сброшены существовавшие ранее нормативные правовые акты, отвергнуты многие завоевания советской юридической науки. Существенные изменения произошли и в юридическом языке. На смену наиболее ярким терминам советской эпохи, таким как "рабоче-крестьянское государство", "социалистическое хозяйство", "трудящиеся массы", пришли слова, отражающие смысл новой общественно-политической формации. Появились юридические термины с политической окраской, не использовавшиеся или практически не использовавшиеся в советское время, — к примеру, "национальные меньшинства", "контртеррористическая операция", "незаконные бандформирования". Возникла очевидная мода на иноязычие, о чем справедливо говорила Елена Борисовна, тексты правовых актов заполнили термины, заимствованные из других языков, — к примеру, "аваль", "аккредитив", "акцепт", "бенефициар", "брокер", "дилер", "инновации", "ипотека", "кондоминиум", "контракт", "лицензия", "нанотехнологии", "оферта", "патент", "приватизация", "сервитут" и другие. Большинство из них в настоящее время, кстати, используется именно в гражданском законодательстве. При этом идея о простом и доступном юридическом языке так и осталась неосуществленной. Тексты новых правовых актов стали отличаться еще большей сложностью восприятия.

Политическая составляющая юридической терминологии прослеживается и при анализе Конституции Российской Федерации. К примеру, в статье 13 закреплено, что в Российской

Федерации признается идеологическое многообразие.

В политическом аспекте термин "идеологическое многообразие" представляет огромный интерес и является одним из ключевых с точки зрения восприятия вектора развития нашего государства. Или, к примеру, еще один важный термин, используемый в статье 29 Конституции, – это "свобода массовой информации". Безусловно, данный термин также является ключевым. И таких примеров можно привести немало.

Текущий момент тоже очень интересен с точки зрения анализа языка закона. В настоящее время юридический язык пополнился новыми терминами – к примеру, "недружественные действия", "недружественные государства". Федеральный закон от 4 июня 2018 года, кстати, то есть это не повестка сегодняшнего дня, а немножко раньше, "О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств". Отмечу, что данный термин впервые стал использоваться в США в конце XVIII века, но, правда, немножко в другом значении. Или, например, термин "дискредитация использования Вооруженных Сил" (статья 20.3.3 КоАП, статья 280.3 Уголовного кодекса, которые были внесены буквально в текущий момент).

Проблема. Понятно, что разработка и принятие нормативных правовых актов осуществляются в контексте существующей политической повестки, определяющей движение государства в намеченном направлении. В свою очередь, термины являются своеобразным пластичным материалом для продвижения конкретных взглядов и идей в условиях осуществления правотворческой деятельности. При этом следует учитывать, что использовать юридическую терминологию при формулировании

правовых норм необходимо крайне внимательно, ведь каждая ошибка в ее употреблении может обратиться в итоге существенными негативными последствиями в политической и общественной жизни.

К сожалению, в современной правотворческой деятельности встречаются случаи манипулирования, умышленного или неумышленного, содержанием правовых норм с помощью юридической терминологии. В данном контексте можно вспомнить использование термина "общеобразовательные школы" вместо термина "образовательные учреждения" в тексте федерального закона о федеральном бюджете на 2006 год, из-за которого более 80 тысяч учителей, работавших в специальных, коррекционных образовательных учреждениях для обучающихся с отклонениями в развитии, которые выходят за рамки содержания понятия "образовательные учреждения", не получили соответствующих доплат за классное руководство. Произошла своеобразная ошибка, это вызвало достаточно широкий политический резонанс в то время и негативную реакцию общества, поэтому пришлось в срочном порядке вносить изменения в принятые нормативные акты и корректировать используемую терминологию.

Или, например, часть 2 статьи 30 Федерального закона "О полиции" устанавливает, что при получении приказа или распоряжения, явно противоречащего закону, сотрудник полиции обязан руководствоваться законом. Возникает вопрос: почему в Федеральном законе "О полиции" содержится указание на то, что приказы или распоряжения должны явно противоречить законам? А если неявно? В данном случае существует очень тонкая грань установления такой явности: насколько явно, как явно. А как неявно? С нашей точки зрения, это манипуляция языковыми

средствами, которая позволяет в определенных случаях сотрудникам полиции нарушать правовые нормы и уходить от необходимой ответственности.

Совсем недавно в текст Уголовного кодекса были введены такие термины, как "руководитель (лидер) преступного сообщества", "высшее положение в преступной иерархии" (статья 210 Уголовного кодекса). Политическая повестка диктовала и такие новации в российском законодательстве.

Особенно интересным представляется появление слова "лидер" в указанном контексте. Кто же такой лидер на самом деле? Приведем несколько точек зрения. Котлер: лидер – это ориентир для других людей. Следующая точка зрения: известный ученый Мескон пишет о том, что лидер – это тот, кто способен поднять человеческое видение на уровень более широкого кругозора, вывести эффективность деятельности человека на уровень более высоких стандартов. Согласно словарю Ожегова лидер – это глава (руководитель) политической партии, общественно-политической организации, человек, пользующийся авторитетом и влиянием в каком-либо коллективе. Лидер в нашем сознании до последнего времени всегда ассоциировался с человеком, ведущим за собой массы, коллективы, группы с целью достижения какой-либо высокой, ну, или, во всяком случае, позитивной цели. Изменения, внесенные в Уголовный кодекс, трансформируют понимание слова "лидер", добавляя в него отрицательную смысловую составляющую.

Новые политические реалии отражают и такой термин, к примеру, как "импортозамещение", который активно применяется в настоящее время. Вошли в современный юридический язык и такие термины, как "суверенный Рунет", "цифровой суверенитет", "фейк", которые пока не используются в текстах правовых актов,

но, как нам представляется, весьма к этому близки. Конечно, возникает вопрос: насколько данные термины готовы к долговременному функционированию или это некий терминологический всплеск, обусловленный политической обстановкой в стране и мире? На этот вопрос можно будет ответить только по истечении какого-то времени и опять же с учетом политической ситуации.

Таким образом, можно выделить некоторые общие черты политической составляющей терминологии.

Во-первых, юридическая терминология — это весьма удобный проводник политической воли. С ее помощью возможно отражать сущность политического режима. При изменении политического режима юридические термины, используемые в политических целях, также могут меняться, то есть (мы с вами видели) "социалистическое государство" — "демократическое государство".

Во-вторых, юридическая терминология — в некоторых ситуациях и инструмент манипулирования, к сожалению, содержанием правовых норм (примеры мы с вами приводили).

И, в-третьих, юридическая терминология — это и рупор преобразований в обществе и государстве. Ведь те же самые новые термины диктуют в том числе и повестку.

Однако необходимо отметить, что право по своей глубинной природе достаточно консервативно и рутинно. В отсутствие политических вихрей, периодически сметающих некоторые устоявшиеся правовые институты в нашем государстве, российскому праву характерен вектор поступательного развития, основанного, с одной стороны, на преемственности, а с другой стороны, на рецепции. Поэтому в современных правовых текстах

наряду с политизированной лексикой устойчиво и частотно используется множество юридических терминов, существующих вне политики, – "договор", "имущество", "обязательство", "преступление", составляющих незыблемую основу современного юридического языка.

Большое спасибо за внимание, уважаемые коллеги.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Владислав Юрьевич. Посмотрите, пожалуйста, проект рекомендаций, будем признательны за Ваши предложения и замечания.

Ну, конечно, право может быть волей экономически и политически господствующего класса, но это не право. Закон – да, но это не правовой закон. Вот нам надо стремиться все-таки к тому, чтобы было ближе к справедливости наше законодательство. Я надеюсь, что все-таки все к этому идет и мы получим такое законодательство.

Слово предоставляется Шелову Сергею Дмитриевичу, главному научному сотруднику Института русского языка имени Виноградова Российской академии наук (в режиме видео-конференц-связи), и Четвериковой Татьяне Дмитриевне, научному сотруднику Института русского языка имени Виноградова (совместное выступление).

Приготовиться Исакову Владимиру Борисовичу.

Мы рады вас приветствовать.

Пожалуйста, Вам слово.

С.Д. ШЕЛОВ

Уважаемые участники парламентских слушаний! Нам хотелось бы сегодня рассказать о тех работах, которые ведутся в

Институте русского языка и которые, как нам кажется, могут представлять интерес для темы "О повышении культуры речи в области права". И в этой связи я хотел бы сказать, что, хотя институт занимается общими проблемами русского языка, его истории, развития, сюда неизменно включались и работы в области юридической лингвистики, которые затрагивают (или охватывают) темы языка права, языка закона, публичных выступлений, например в парламенте, и тому подобное.

Следующий слайд, пожалуйста.

В этой связи я хотел бы упомянуть работы наших сотрудников, и предшествующие работы. Это Анатолий Николаевич Баранов, доктор филологических наук, который много занимался лингвистической экспертизой и даже, как видите, издал учебник по лингвистической экспертизе. Это сотрудник нашего же отдела, отдела культуры русской речи, Елена Михайловна Лазуткина, кандидат филологических наук, которая много занималась жанрами парламентской речи. И вот есть ее статья, как вы видите, в сборнике "Культура парламентской речи".

Но сегодня я хотел бы сказать только об одном виде работы, которая ведется в небольшом подразделении института, в терминологическом центре, и которая связана с юридической терминологией, с ее правильным и в то же время доступным для широких масс употреблением и пониманием.

Следующий слайд.

Мне очень приятно было услышать многочисленные упоминания требования понятности юридической терминологии. Обычные толковые словари русского языка не всегда могут обеспечить точное понимание того или иного юридического термина неспециалистам, а специальная юридическая

терминология дает толкования, дефиниции терминов. Специальные словари обычно дают толкования, дают дефиниции, но они часто совершенно недоступны для широкой аудитории и слушателей и для понимания.

Вот мы приготовили как раз такие примеры соотношения того, как определяются слова в общем языке, ну, например, во всем известном словаре Ожегова или в академическом словаре Евгеньевой, и как определяются в словарях специальных, терминологических. Ну, тут довольно сложно без... на слух это воспринимать тяжело, мы рассчитывали на экран.

Мы можем примеры какие-то взять?

Т.Д. ЧЕТВЕРИКОВА

"Необходимая оборона", "юридическое лицо".

С.Д. ШЕЛОВ

Ну, вот приводили примеры терминов "необходимая оборона" и "юридическое лицо". Они включаются в общие словари, но там толкования недостаточно четкие, а, наоборот, в специальных словарях они есть, развернуты, но их очень трудно понять. Вот сейчас работа по составлению такого словаря терминологического и профессионального характера ведется в нашем отделе. Я могу сказать, что предполагается, что работа будет закончена в 2023 году, то есть он будет подготовлен к печати. Он будет рассчитан на 3 тысячи единиц, слов, но это 3 тысячи слов, которые охватывают все области знания — и математику, и физиологию, и ветеринарию, и историю, и литературоведение, это и юридическая терминология, то есть это вся лексика, которая попадает в общие словари, но с пометками "юрид.", "мат." (математическая) или "вет." (ветеринарная) и так далее.

Должен сказать, что в этой части, то есть широко

распространенной лексики, вошедшей уже в русский язык, юридическая лексика занимает почетное место — даже в чисто количественном отношении. Вот у нас уже на сегодняшний день подготовлено около 300 таких широко распространенных юридических терминов, которые охватывают общие словари русского языка.

А сложная задача, которая здесь упоминалась, состоит в том, как их растолковать. Понятно, что если это термин "юридическое лицо" и пишется: "по гражданскому законодательству Российской Федерации организация, которая имеет в собственности, в хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает этим имуществом по своим обязательствам" и так далее, то это очень тяжело воспринимать. У нас предлагается толкование: "учреждение или предприятие как носитель гражданских прав и обязанностей", и даются из Национального корпуса русского языка примеры использования в этом значении. Вот так построены все словарные статьи, в том числе и юридические.

Вот я хотел бы указать на два термина — "юридическое лицо" и "необходимая оборона" — и на этом передать слово Татьяне Дмитриевне.

Т.Д. ЧЕТВЕРИКОВА

Благодарю.

Уважаемые коллеги! Имеются еще важные проблемы в понимании юридических терминов, о которых сегодня тоже говорили. Одна из них — это совпадение общеязыковых слов с юридическими терминами и отсутствие толкования юридических терминов в статьях закона и в толковых словарях (или не совсем точное определение в толковых словарях этого юридического

термина). Это порождает множество проблем. А между тем общелитературное (и бытовое) слово совершенно не совпадает порой с юридическим пониманием. Язык права, несмотря на использование в нем по большей части общелитературных слов, достаточно сложен для понимания, и часто привычное для нас слово, попадая в юридическую сферу, становится специальным. Юрист в отличие от непрофессионала воспринимает его значение через уже сформированную призму специальных понятий.

Вот один яркий и в высшей степени актуальный пример, связанный с терминологическим словосочетанием "гражданский брак", с тем, что в это понятие вкладывают юристы и что вкладывают неюристы. На сегодняшний день рассматриваемое словосочетание имеет два диаметрально противоположных значения, одно из которых юридическое, означающее зарегистрированные брачные отношения, а второе — бытовое, скажем так, значение, напротив, незарегистрированные брачные отношения, причем второе явно преобладает.

Мы не будем останавливаться подробно на этом вопросе, который уже неоднократно и в Совете Федерации обсуждался с разных сторон, и в научной литературе, в частности, и в нашей публикации с научной, лингвистической точки зрения анализировалось это словосочетание.

Отмечу лишь, что в нашем словаре зафиксированы два значения термина "гражданский брак" с комментариями, чтобы людям было понятно все-таки, что это юридический термин и что он означает.

Также хотела бы сегодня поднять еще один вопрос, который касается разнобоя в написании строчных и прописных букв в названиях органов государственной власти, министерств,

официальных должностей и тому подобного. Как известно, по правилам русского языка такие словосочетания, как "Верховный Суд", "Конституционный Суд", "Высший Арбитражный Суд", пишутся так: первая буква первого слова прописная, а дальше – со строчных. Однако в специальных лингвоюридических справочниках, например таких, которые имеются и в Совете Федерации, и в Государственной Думе, четко указывается другое написание этих же самых словосочетаний: все слова пишутся со строчных букв. Такое правило написания сложилось в многолетней юридической практике, зафиксировано не только в упомянутых материалах, но и в так называемых памятках для корректора и редактора, которые имеются во многих издательствах, научно-учебных, юридических организациях и в издательствах, которые специализируются на выпуске юридической литературы.

Логика в оформлении строчных и прописных букв в данном случае основывается не на правилах русского языка, а на следующем: первое – написание некоторых слов в юридической литературе с прописных букв следует их написанию в Конституции и других законодательных актах, а не правилам русского языка; второе – использование прописных букв в названиях органов власти, организаций, должностей и тому подобного чаще всего зависит от места объекта в структуре власти.

Так, функционирование лексики, отражающей те же современные реалии политической, правовой жизни Российского государства, иногда создает свои правила, выходящие за рамки лингвистических предписаний, что вносит путаницу при выборе строчной и прописной букв в печатных СМИ, в которых, как показывает анализ текстового материала, и лингвистические, и юридические рекомендации полностью игнорируются.

Мы приводили примеры из одного и того же текста в "Московском комсомольце": в разных местах встречается разное написание, например, словосочетания "Совет Федерации": "совет" – с маленькой буквы, "Федерации" – с большой; "Совет Федерации" – все с больших букв, бывает – и все с маленьких (абсолютно необоснованно). Ну, как уже понятно, такого все-таки следует избегать.

И вот, в частности, наши выводы и предложения, которые все-таки озвучит Сергей Дмитриевич.

С.Д. ШЕЛОВ

Ну, давайте я просто назову то, что, как нам представляется, было бы полезным.

Прежде всего, надо принять какое-то решение о рекомендуемом толковании юридических терминов, в особенности тех, которые совпадают с общеязыковыми словами. Иногда эти толкования могут быть и одинаковыми, но только изредка, а чаще всего они должны быть написаны для широкой аудитории, для массового читателя несколько иным языком, о чем мы сейчас много говорим.

Ну и второе замечание – именно в связи с различным написанием слов и словосочетаний со строчных и с прописных букв. Конечно, хотелось бы принять какое-то решение при написании таких названий – органов государственной власти, министерств, официальных должностей и так далее – со строгим учетом норм русского языка, совместное, по результатам работы и лингвистов, и юристов, и, в частности, юристов Совета Федерации. Нам представляется это чрезвычайно важным. Спасибо. Благодарим за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Извините, что не получилось с презентацией. Ее надо было сюда прислать. Но мы будем признательны, если вы ее пришлете.

С.Д. ШЕЛОВ

Конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Потому что мы планируем (и вы обратили внимание на это в проекте рекомендаций) издать сборник публикаций по итогам парламентских слушаний, и, соответственно, ваша презентация туда войдет.

С.Д. ШЕЛОВ

Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень интересно ваше предложение в рекомендации относительно того, чтобы там, где нет необходимости в какой-то специфике, например, в написании слов и словосочетаний соблюдать общепринятые правила русского языка. Вы здесь абсолютно правы, это ничем не диктуется. Может, кто-то просто очень хотел как-то уважить эти органы власти и поэтому все слова — с большой буквы. Я тоже полагаю, что там, где нет необходимости какую-то специфику вводить, и не надо этого делать. И, соответственно, мы такую рекомендацию (вот сейчас уже переговорили с Людмилой Николаевной) включим сюда.

А относительно ваших примеров... Я могу вам рассказать вообще об экзотическом случае. Когда Уголовно-процессуальный кодекс шел в Государственной Думе, редактор, редактируя, исправил... Есть такая терминология специфическая — "возбуждение уголовного дела". Она везде убрала "возбуждение". Она сказала: "Дело не может возбуждаться, это же бумаги, это же

том", поэтому она везде написала "открытие уголовного дела". Мы очень долго думали – "открытие" тоже не подходит, потому что вот этот момент, инициативы, действия активного... и само даже открытие уголовного дела (уж если так брать) начинается даже не с возбуждения уголовного дела, а с момента поступления какого-то обращения, заявления о том, что совершено деяние, которое, возможно, преступно, то есть содержит признаки преступления. То есть тут много нюансов. Так пока оставили. К сожалению, мышление человека, и юридическое тоже, не абсолютно. И там, где мы не можем пока найти ничего другого, используется вот такая фикция (слово "фикция"). Еще латинские юристы этот термин ввели как способ словесного выражения, то есть когда этому термину в реальности не соответствует то, что он фиксирует, в частности "возбуждение уголовного дела" и даже "собственность". Термина "собственность" в реальности нет, есть вещи конкретные, движимые, недвижимые, есть какие-то права, но нет самого – вот именно того, что называется собственностью. То же и здесь. Это так называемые юридические фикции. Но это мы всё вытащили из учебников – относительно того, как этот термин зафиксировать в законе. Вот существует – либо через определение, либо перечневый прием, когда просто дается перечень.

Спасибо большое. В любом случае рекомендация относительно того, что там, где нет необходимости в специфике, нужно придерживаться правил русского языка в изложении текстов норм, я думаю, очень справедливая. Спасибо большое.

Я с удовольствием предоставляю слово моему коллеге, с которым мы долго работали, уважаемому Исакову Владимиру Борисовичу, профессору Департамента (я, кстати, удивилась, почему это департамент) теории права и межотраслевых

юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".
Тема – "Концепция электронной энциклопедии законодательной лексики".

Мы текст раздали, в материалы вложили, поэтому вы можете посмотреть. Это интересный, но огромный, конечно, труд. И тут есть специфика. Я просто, как автор иного подхода к праву – как к коммуникации, где эти нормы не возникают просто так, а зависят от того, кто из участников в этом взаимодействии в какой роли оказывается... Поэтому и каждому из них должны быть адресованы свои правовые инструменты. И именно поэтому можно, кстати, разрабатывать цифровую программу создания законов, это реально, потому что право – в общем-то, очень точная наука, особенно если мы в рамках обсуждаемой темы найдем решение, как добиваться максимально возможной (понятно, что не абсолютной, но максимально возможной) точности терминологии, из которой состоят наши законы.

Владимир Борисович, с удовольствием предоставляю Вам слово.

Приготовиться Белову Сергею Александровичу.

Пожалуйста.

В.Б. ИСАКОВ

Кстати, подход к праву как к тексту и подход к праву как к коммуникации ведь друг другу не противоречат...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет-нет.

В.Б. ИСАКОВ

...потому что текст – это основа коммуникации, и, собственно, предмет нашего обсуждения – что эта коммуникация

должна быть точной, грамотной, основываться на хорошо отработанной терминологии.

Уважаемые коллеги! Проблемы терминологии нечасто становятся предметом такого серьезного официального интереса, а между тем они, безусловно, этого заслуживают, потому что проблемы в этой области были, есть и нарастают.

Ваш покорный слуга шесть лет возглавлял Правовое управление Аппарата Государственной Думы и столкнулся с этой проблемой лицом к лицу.

Вот картинка из практики Правового управления. Приносят постановление, в котором выражение "налоговая инспекция по городу Новгороду" использована три раза и три раза – в разной редакции: "нижегородская налоговая инспекция", "городская налоговая инспекция Нижнего Новгорода"... Мы, естественно, этот проект не пропускаем. Через некоторое время прилетает (вот буквально прилетает), врывается автор этого текста и говорит: "А что такое? В чем дело?" Ну, мы начинаем объяснять, что в юридическом тексте (кстати говоря, об этом Татьяна Дмитриевна очень хорошо сказала) один и тот же орган, один и тот же институт должен иметь стандартное наименование. Она говорит: "Я – журналист с 20-летним стажем. Вы меня еще учить будете, как тексты писать!" – уходит, хлопая дверью. Через некоторое время влетает разъяренный депутат, который является официальным инициатором этого постановления: "Это подстава! Это провокация! Я знаю, сколько вам за это заплатили!" – ну и вот разные такие слова. Но, правда, через два дня приходит с бутылкой коньяка мириться, сказав, что ему не объяснили: "Вы, конечно, правы, мы всё поправим". Это вот такая достаточно типичная картинка из жизни Правового управления, связанная с работой по

терминологии. И дело не просто в том, что проекты правовых документов готовит не всегда квалифицированная и всегда (обычно) амбициозная команда, дело в том, что... Я посмотрел тут до начала слушаний вот этот очень интересный документ – "Анализ синтаксической сложности законов Российской Федерации", из него следует, что из года в год растет сложность законодательства, увеличивается среднее количество слов в законах, увеличивается количество слов в абзаце. То есть это не просто мое впечатление, что законодательство становится более сложным и менее удобочитаемым, – так оно и есть, статистика подтверждает, что это происходит.

Что в этой связи можно сделать? И можно ли что-то сделать? Я думаю, можно. И мы даже пытались в свое время в Правовом управлении что-то делать. Во-первых, в 1998–1999 годах (страшно говорить) прошлого века был создан электронный словарь терминов законодательства. Его создала фирма "Гарант" вместе с работниками нашего управления и включила затем как бы в комплект поставки своей базы данных. Создание этого словаря моментально выявило проблему, которая где-то в глубине была, но благодаря этому словарю всплыла на поверхность, – что у нас в законодательстве есть множественность определений одних и тех же понятий: скажем, понятие "работник" – шесть определений; понятие "сделка" – пять определений; даже понятие "арест", которое, казалось бы, должно быть абсолютно однозначным, имеет два разных определения в законодательстве. Вот благодаря этому вскрылось это обстоятельство.

Мы, конечно, попытались пойти дальше и начали договариваться о создании базы данных, которая бы проверяла каждый вносимый текст на предмет существования в нем новых

неопределенных терминов. То есть это еще достаточно примитивный анализ, но уже он позволил бы выявлять термины, которые в законодательство вводятся вновь и которые никак не определены. К сожалению, закончить эту работу мы не успели.

Библиотека Государственной Думы перевела многоязычный тезаурус Европейского союза Eurovoc. Есть такой тезаурус, он многотомный, сложный, очень серьезный многоязычный инструмент, но он ориентирован не на лингвистов, не на юристов – он ориентирован на поиск информации и на перевод юридических текстов, хотя это шаг в правильном направлении, который показывает, что, вообще, в поиске, в упорядочении юридической терминологии идут по самым разным направлениям. И вот уже тогда я начал набрасывать ту концепцию словаря законодательной лексики, которая предложена вашему вниманию.

О чем идет речь? Речь идет о том, чтобы создать не "гербарий" юридической терминологии, где каждый термин пришпилен на страничку и там "засох", а создать лексикографическую надстройку над живой, развивающейся базой данных законодательства, то есть все, что в законодательство входит, должно профильтровываться через эту лексикографическую надстройку, оседать на этих терминологических фильтрах и подвергаться разбору. Причем каждый пользователь может себе такой индивидуальный фильтр установить. Можно ежегодно, допустим, устраивать конференции по новой терминологии, то есть, используя современные технологии, ввести работу над терминологией в какое-то более упорядоченное, более современное русло.

Вот скоро 25 лет буду отмечать началу работы над этой концепцией. К сожалению, она не получила пока поддержки. Ну и

понятно — сложная, технологически трудная работа и абсолютно не прибыльная, никакой прибыли она не дает, кроме как, ну, некоторые шаги к упорядочению законодательства.

В наших рекомендациях эта идея немножечко отражена, получила отражение в подпункте 2 пункта 3 как рекомендация правительству. Но вот здесь у меня небольшие сомнения, потому что в чем здесь проблема? В том, что создание такой энциклопедии — это межведомственная задача, а, как показывает практика, межведомственные рамки ломаются с колоссальным трудом. Это вот отчасти Совету Федерации удалось, когда он разрабатывал и ввел (помните?) мониторинговые доклады. Меня не привлекали тогда к методологии подготовки этих докладов, но я знаю, насколько трудно было, вообще, заставить ведомства, особенно такие гранды, как Минфин, МВД, давать какую-то информацию о том, как у них реализуются законы. Они ни в какую не хотели это делать. Тем не менее в течение нескольких лет сопротивление было преодолено, доклады эти стали выходить. Потом, к сожалению, все-таки бюрократия взяла верх и прекратила мониторинг законодательства со стороны Совета Федерации, хотя, я считаю, очень полезное было дело. Вот эта работа по масштабу примерно то же самое, то есть она носит межведомственный характер, она предполагает согласование терминологических позиций разных ведомств. И либо Совет Федерации, либо Государственная Дума, то есть орган с большим, выражаясь современным языком, аппаратным весом мог бы преодолеть это сопротивление и начать создавать, а затем и внедрять терминологические стандарты. Боюсь, что даже у правительства это не совсем получится.

Это у меня соображения по поводу возможных

инструментов, возможного дальнейшего развития этой темы.

Ну, раз уж мы перешли к рекомендациям, я бы еще на один пункт внимание обратил – пункт 7, где говорится следующее (кстати, коллеги-лингвисты тоже об этом говорили, но здесь я бы с ними не согласился; ну, в рекомендациях говорится, по всей видимости, с их подачи): "Ни одна из указанных экспертиз, – имеется в виду, ни в Совете Федерации, ни в Государственной Думе, – не ориентирована на проверку простоты, доступности, лаконичности языка законодательства. Избыточная сложность закона не квалифицируется экспертами как недостаток". Вот я бы рекомендовал уважаемым коллегам из Совета Федерации примерить эту рекомендацию на себя. Представьте себе, что к вам приходит работник Аппарата и говорит: "Уважаемый сенатор, Ваш текст не отвечает требованиям простоты, доступности, лаконичности и носит избыточно сложный характер". Я не знаю, какая была бы реакция в Совете Федерации (здесь все-таки очень культурные, авторитетные люди работают, с большим опытом), но в Государственной Думе со стороны Аппарата такая рекомендация вызвала бы взрыв недовольства, взрыв отрицания, потому что, ну, не дело Аппарата влезать в содержательную сторону законотворчества. Вот есть граница какая-то: будьте любезны, исправьте очевидные недостатки, – а вы эту границу переступили. Здесь надо чувствовать этот момент. Поэтому далеко не все рекомендации законодателю будут нормально восприняты.

Другое дело – когда бы создали электронную экспертизу. Кстати, вот то, что сделали коллеги (анализ сложности российских законов), вполне можно, я думаю, при определенной доработке сделать штатной экспертизой, входной экспертизой текстов законопроектов. Если можно там вылавливать новую

терминологию, то почему компьютеры не могут вылавливать слишком сложные, неудобоваримые, лексически трудные конструкции? Вполне могут с этим справиться. Я думаю, такую рекомендацию от компьютера депутаты, да и, наверное, члены Совета Федерации, воспримут куда спокойнее, чем от работника Аппарата.

Уважаемые коллеги! Российское законодательство развивается уже почти 30 лет на основе новой Конституции, накоплен значительный фонд новых законодательных актов. Накопились и проблемы. По существу, кроме частичной расчистки законодательства, других серьезных кодификационных работ не было.

Мое полное, мое глубокое убеждение заключается в том, что любая кодификация должна начинаться с кодификации терминологии. Если не будет кодифицированного словаря, то вся остальная кодификация будет "на песке". Благодарю.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Владимир Борисович.

По электронной экспертизе — да, это интересное предложение, мы попробуем его сформулировать и включить. И даже с помощью действительно интернета можно собирать такой банк данных, не только те термины, которые уже существуют в законодательстве, но и как раз моменты, связанные со сложностью, — выявление причастных, деепричастных оборотов, которые усложняют текст, длительность текста, количество слов во фразе. Ведь почему нам нравятся тексты римских юристов? Они краткие, они простые, они легко читаются. И то — сколько школ глоссаторов и комментаторов те термины комментировали,

разъясняли! Поэтому очень интересная идея по электронной экспертизе.

А по кодификации – согласна с Вами, и по кодификации, и по систематизации законодательства, потому что новое законодательство – база огромная (я не случайно сегодня об этом говорила). И более того (вот обратите внимание) – есть сайт администрации президента kremlin.ru, где выставляются все законы. Но вы найдите, посмотрите, сколько у нас базовых законов, как они соотносятся. Вы не сможете, потому что там все подряд, а все подряд – это 10 009 законов, но, еще раз говорю, они разные, и многие из них фактически являются уже частью базового закона. Как ориентироваться? Вот как можно получить представление об этом массиве? Поэтому это совершенно точно – что назрела необходимость и кодификации законодательства, и систематизации, упорядочения. И начинать надо с кодификации терминологии – думаю, это наиболее понятный, доступный и простой вариант по сравнению с кодификацией законодательства в целом. Спасибо.

Я предоставляю слово Белову Сергею Александровичу, декану юридического факультета, заведующему кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, директору НИИ проблем государственного языка Санкт-Петербургского государственного университета. Тема – "Слова быденного языка и юридические термины: сложности различения". В режиме видео-конференц-связи.

Хочу сразу сказать, что Белов Сергей Александрович – один из тех, кто участвовал... возглавлял даже работу по разработке модельного акта МПА СНГ, очень приличного модельного закона "О нормативных правовых актах". Я считаю, что было бы не

заворно, если бы у нас, в России, был аналогичный закон.

Вам слово, Сергей Александрович.

Приготовиться Атабековой Анастасии Анатольевне.

Пожалуйста, Сергей Александрович.

С.А. БЕЛОВ

Спасибо большое, Елена Борисовна. Спасибо за такое лестное представление. Я, кстати, если можно, буквально в двух словах прокомментирую идею кодификации. Наверное, она сейчас уже назревает и, что называется, висит в воздухе, потому что мы сейчас обсуждаем с городской администрацией Санкт-Петербурга проект по кодификации всего законодательства Санкт-Петербурга. И вот буквально сейчас в процессе обсуждения с коллегами — какие крупные структурные единицы могут появиться вообще в нашем законодательстве, — например, можно ли сделать единый кодекс публичной власти, включив в него самые разные положения, в том числе систематизировав законодательство о государственной и муниципальной службе. В общем, эта тема тоже, мне кажется, заслуживает большого внимания.

Я бы, наверное, возвращаясь к теме нашего сегодняшнего разговора, начал с того, что я благодарю и Вас, Елена Борисовна, и Людмилу Николаевну за внимание к этой тематике, потому что действительно мало эта тема обсуждается, хотя она заслуживает всяческого внимания и постоянного обсуждения, на мой взгляд.

Здесь действительно (я согласен с Владимиром Борисовичем) субъективные ощущения совпадают с объективными данными, наше законодательство становится все сложнее и сложнее, и уже даже во многих случаях профессиональные юристы перестают, ну, по крайней мере легко понимать, что сформулировал законодатель. И с этим приходится, к сожалению,

сталкиваться все чаще и чаще. У нас вот на количественном материале формируется такая закономерность, что, наверное, за последние 14–15–16 лет эта сложность возросла просто многократно. С чем это связано, сказать очень сложно, это, наверное, требует отдельных исследований, но то, что проблема юридического языка сейчас одна из самых острых, – это, думаю, очевидно.

У нас, в Санкт-Петербургском университете, эти проблемы исследуются уже несколько лет. В 2015 году появился отдельный НИИ проблем государственного языка. Мы собрали команду из представителей самых разных специальностей: и юристы, и лингвисты в первую очередь, но также и антропологи, и программисты участвуют в этой работе. И у нас есть несколько проектов – в частности, проекты, которые посвящены исследованию языковой определенности и недвусмысленности в языке юридических документов, и отдельный большой проект, который поддержал Российский научный фонд (он в этом году уже четвертый год реализуется), – это "Понятность русских официальных документов". Собственно, и то, и другое имеет прямое отношение к теме сегодняшнего обсуждения. Мы изучаем терминологию в том числе, но и вообще юридический язык, разными инструментами, разными методами. Ну, так получилось, что у нас в коллективе довольно много лингвистов, которые занимаются корпусной лингвистикой, поэтому в основном у нас преобладают корпусные методы, но не только они, и другие средства тоже задействованы. Но самое главное – мы пытаемся как раз сочетать проблематику юридическую с проблематикой лингвистической. Надо сказать, что, когда мы начали сотрудничество, когда мы только сформировали вот этот

междисциплинарный коллектив, стало понятно, что юристы и лингвисты очень плохо понимают друг друга и нам нужно много сил, для того чтобы понять иногда просто даже логику, которая стоит за словами, которая подразумевается и лингвистам кажется очевидной, а юристы ее не воспринимают, не понимают, и наоборот. Соответственно, сейчас мы пытаемся и юридический подход тоже скорректировать. И, мне кажется, самое ценное, чему нам, юристам, стоит учиться у лингвистов, – это коммуникативный подход к языку, восприятие любого документа как способа, как средства коммуникации. А это, в свою очередь, влечет, например, постановку проблемы, которая, на мой взгляд, недоисследована именно в юридической теории, а именно проблемы адресатов юридических документов (по этому поводу есть споры, хотя мало кто об этом пишет, но разные точки зрения высказываются, а это самая что ни на есть отправная точка для всех дальнейших рассуждений): мы не можем сформировать представление о понятности языка до тех пор, пока мы не понимаем, для кого этот текст должен быть понятным, и, соответственно, не можем оценить те языковые компетенции, которыми должен обладать адресат. Вот последняя статья, которая на эту тему нами подготовлена, должна сейчас выйти во втором номере нашего "Вестника Санкт-Петербургского университета. Право", там как раз я пытаюсь предложить (и будет замечательно, если это будет воспринято каким-то образом в реальном законодательном процессе) некие коммуникативные характеристики любого проекта нормативного акта, метанормативные описания адресата и цели, содержание того регулирования, которое конструируется, для того чтобы оно уже могло быть облечено в адекватную, правильную, понятную,

эффективную языковую форму.

И я бы хотел, возвращаясь к теме, которую я заявил как предмет своего выступления... но вот отчасти Сергей Дмитриевич и Татьяна Дмитриевна уже затронули проблему соотношения обыденного и юридического языка... Собственно, конечно, терминология – это не весь язык, и синтаксис, может быть, в юридическом языке играет более существенную роль для обеспечения понятности. Во всяком случае, анализ синтаксический, наверное, более востребован, что ли, для оценки сложности юридических документов. Но терминология – это тоже важная часть разговора о юридическом языке. Вот, наверное, в дополнение к тому, что сказали коллеги из института имени Виноградова...

Наши исследования показывают, в том числе исследования с конкретными наивными носителями языка, интервью, анкетирование показывают, что, если человек не имеет опыта работы с юридическими документами, если он, например, текст закона читает, ну, или впервые, или просто редко, он будет ориентироваться на свой обыденный, не юридический опыт понимания разных слов, разных терминов, то есть он не будет идентифицировать слова как термины.

Вот коллеги приводили пример со словом "собственность". Я именно этот пример хотел тоже привести, потому что, если мы откроем любой словарь, начиная со словаря Ожегова и заканчивая семантическими словарями, мы увидим определения, которые сильно отличаются от определений, даваемых в гражданском законодательстве. Где-то это только распоряжение имуществом, где-то это только владение, а вот пользование, владение и распоряжение, та триада полномочий, которая для любого

юриста – альфа и омега представления о собственности, в словарях общеупотребительного языка часто просто не фигурируют. И другой пример, который тоже мне хотелось бы привести, – это... Вот, скажем, у нас в правилах дорожного движения есть термин "стоянка, стоянка транспортных средств". Если вы откроете любой словарь, вы увидите, что там стоянка определяется совершенно иначе, чем в правилах дорожного движения. И вот обычный гражданин... Ну а правила дорожного движения, наверное, должен знать вообще любой человек в этой стране. Открывая правила, читая слово "стоянка", он будет вкладывать в него то значение, которое ему привычно, исходя из обычного словоупотребления, из обывденного языка, и уж он никак не будет это воспринимать как специальный юридический термин.

Выход из этого, на мой взгляд, все-таки предполагает, что юридическая терминология не случайно во многих традициях требует специального маркирования особенных юридических терминов и использования, может быть, не иностранных слов, но слов, которые имеют русские корни. Кстати, по этому поводу мы тоже несколько раз от Санкт-Петербургского университета выступали – с инициативами создания при современных профильных министерствах терминологических комиссий, которые могли бы заниматься разработкой специальной терминологии для отдельных сфер государственного управления. Ну и, наверное, это могло бы быть востребовано в конечном счете и в законодательстве тоже.

Вот формирование какой-то специальной терминологии, в том числе и для целей юридических документов, – наверное, это то, что позволило бы заменить иностранные слова. Но самое главное – видя слово в юридическом документе, обычный

гражданин должен понимать, что это специальный термин и что он не может ориентироваться на свой, ну, скажем так, не юридический опыт понимания этого слова.

Я, к сожалению, только сейчас получил рекомендации, которые у нас должны быть сформулированы по итогам сегодняшних парламентских слушаний. Я их обязательно внимательно изучу и предложу какие-то свои предложения, комментарии к этому тексту. Кстати, по итогам нашей работы вот в рамках проекта по понятности русских официальных документов мы подготовили концепцию использования государственного языка в деятельности и органов публичной власти, и вообще публичных организаций.

Я, Елена Борисовна, могу вам прислать эту концепцию, наверное, будет интересно. Может быть, как-то совместными усилиями представить ее и законодателям, и юридической общественности более широкой? Ну а что касается рекомендаций, я постараюсь отразить свои представления о том, как управлять той ситуацией, которая сейчас сложилась.

В любом случае я благодарю вас за то, что эта тема поднята, и, мне кажется, сегодня мы уже услышали много очень интересных идей и мнений, и, наверное, еще услышим от других выступающих. Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Сергей Александрович, спасибо большое и за идею создания терминологической комиссии. Мы, пожалуй, включим в проект, но на базе, естественно, Совета Федерации, потому что такие комиссии могут создаваться в рамках нашего Регламента. Поэтому у нас есть свой замечательный филолог, доктор наук, и достаточно большое количество юристов. Я думаю, это будет интересно и

вместе с Вашим участием.

И, конечно, еще раз хочу обратить внимание, что вы абсолютно правильно ставите вопросы коммуникативных характеристик законопроектов. Меня удивляет, что круг участников взаимодействия, то есть всех, кого охватывает тот или иной закон, взаимодействие кого, не является сегодня как бы жестким требованием, которое должно соблюдаться. А ведь любое взаимодействие, любая коммуникация, которая складывается, а точнее, совокупность таких коммуникаций, которая складывается при принятии какого-то закона, она ведь очень легко расписывается в определенную схему, она распадается или состоит из совокупности двусторонних отношений участников, тех участников, которых объединяет данный закон. И, более того, право настолько точное и настолько определенное, вообще-то, явление, что вот эти двусторонние отношения, из которых складывается совокупность правоотношений или коммуникаций, которые возникают при принятии этого закона, что они либо в определенной последовательности... Чаще всего двусторонние отношения формируются, не трехсторонние, а именно двусторонние отношения, двусторонние коммуникации, из которых складывается конечная, выдающая тот результат, ради которого, в общем-то, существует то или иное нормативно-правовое регулирование. И это все можно схватывать с помощью закона, обязательно прописывая, как вы выразились, коммуникативные... если закон учитывает эти коммуникативные характеристики, то есть круг участников и кто из них в каких ситуациях вступает в эти двусторонние отношения. Потому что кто-то из них может не соприкоснуться, но обязательно быть участником вот этой коммуникации. Без них невозможно, не

может полностью коммуникация состояться, и тот результат, ради которого все это регулирование осуществлялось.

Поэтому это не проработанный в достаточной мере вопрос, потому что, к сожалению, нормативистский подход, изучение только норм, отраслей, институтов, их соотношения, качества – вот это до сих пор было первичным. Хотя изучение права как коммуникации, то есть то, что у нас было принято называть механизмом реализации закона, – на самом деле это и есть право, ради этого оно и существует. То есть как складываются коммуникации, какова последовательность (параллельно, в последовательности определенной), в какой момент наступает результат, кто эти конечные участники получателей такого результата, это очень интересно.

И спасибо за то, что Вы в этом направлении работаете. Мы в проект рекомендаций Ваши предложения включим. Вот тут ряд вопросов поставили, которые относятся в том числе и к акцентированию внимания на том, что может осуществляться в рамках экспертизы законопроектов. Мы попытаемся сформулировать и включить в проект рекомендаций. Будем признательны, если Вы тоже в этом поучаствуете, выскажете свою позицию или пришлете свои предложения. Спасибо еще раз. С Вами очень интересно работать. Я уже тоже не первый раз... Благодарю.

Атабекова Анастасия Анатольевна, проректор Российского университета дружбы народов по многоязычному развитию, доктор филологических наук. Тема – "Роль языка в обеспечении качества нормотворческого процесса: национальный и международный контексты".

И приготовить Ильиной Ольге Юрьевне.

А.А. АТАБЕКОВА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! Благодарю за возможность поделиться рядом соображений по той тематике, которая обозначена в моем докладе, но с учетом заявленной повестки сегодняшних слушаний, с учетом тем тех докладов, которые мы уже слышали и которые будем иметь возможность заслушать, мне бы хотелось предложить ракурс рассмотрения тех вопросов, которые я заявила для доклада, с позиции подготовки специалистов.

Качество законодательных документов, безусловно, определяет и качество их правоприменения, но все законодательные документы готовятся людьми, готовятся специалистами и, соответственно, сфера их компетенции предусматривает и лингвистическую компетенцию, лингвистические знания в области использования языка при подготовке текстов законов и коммуникации в правовой сфере.

Применительно к национальному, российскому контексту представляется важным отметить признание важности лингвистической составляющей в законодательной деятельности, чему, например, подтверждение наша сегодняшняя встреча, и наличие комплекса мер, которые осуществляются в данной сфере органами, структурами государственной власти. Действует система регламентирующих, экспертно-аналитических мер со стороны органов государственной власти, кроме того, действует и система образовательных инструментов, образовательных мер в юридических вузах Российской Федерации. И, конечно, как мы все достаточно хорошо знаем, и представляем сегодня здесь эти данные, проводятся и научные исследования, как юристами, так и лингвистами, в области функционирования и специфики языка

правовой сферы.

Мне бы специально хотелось кратко отметить ряд тех документов, тех регламентов, которые мне представляются очень важными. Я в данном случае опираюсь на свой педагогический опыт, на опыт своих коллег в Российском университете дружбы народов по подготовке юристов. Итак, это использование тех ресурсов, которые подготовлены в рамках работы органов законодательной и исполнительной власти, регламенты подготовки законодательных документов, которые подготовлены Советом Федерации и Государственной Думой, консультативно-методическая практика, совещания различного рода, которые также посвящены тем проблемам, которые присутствуют в законодательных документах.

Просто в качестве примера... Мы в работе со студентами неоднократно уже использовали на протяжении последнего года видеозапись совещания, которое проходило на базе Совета Федерации при участии, при поддержке Государственно-правового управления Президента Российской Федерации и было посвящено конкретным вопросам использования языка и коррекции языка в тех документах, которые уже приняты и тем не менее где обнаруживаются те или иные языковые погрешности. Также можно упомянуть методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, подготовленные специалистами — представителями Госдумы.

Мне бы еще хотелось обратить внимание на один документ, который также представляется очень эффективным для работы именно при подготовке студентов юридических вузов в рамках таких курсов, как, допустим, "Юридическая техника" или "Культура речи". Это данные Научного центра правовой

информации при Министерстве юстиции Российской Федерации. Документ называется "Мониторинг нормотворческого процесса органов местного самоуправления с иллюстрацией типичных нарушений правил юридической техники на конкретных примерах". Поверьте, на материале русского языка это очень конкретный и очень интересный документ, который позволяет студентам юридических вузов по-новому отнестись к тому, что, собственно говоря, можно сделать с помощью и родного, и государственного языка в аспекте совершенствования качества того документа, который получает статус законодательного.

Но мне хотелось бы сразу сказать, что перечисленные сейчас ресурсы, как, безусловно, существующие многие другие, ориентированы уже на работающих специалистов-юристов или специалистов-лингвистов. Между тем, как я уже сказала, в обеспечении качества нормотворческого процесса существенна роль и вузовской подготовки студентов, подготовки студентов юридических вузов, ну и, в общем, подготовки лингвистов, филологов, многие из которых также потом приходят в сферу лингвистической экспертизы, лингвистической правки различного рода документов и так далее. Поэтому с учетом тех ресурсов, которые я перечислила, мне представляется актуальным развивать практику использования таких ресурсов и других прикладных ресурсов в образовательном процессе юридических вузов и факультетов, возможно, и в рамках подготовки лингвистов.

Если говорить более подробно об образовательной практике, то здесь можно отметить следующее. Мы все так или иначе соприкасаемся с практикой подготовки специалистов юридического профиля и знаем, что на уровне вуза вопросы функционирования, использования языка в правовой сфере

исследуют и юристы, и лингвисты. Но скорее эта деятельность реализуется параллельно, не пересекаются наши специалисты. Например, учебники по культуре речи, в том числе и в правовой сфере, как правило, готовят языковеды, лингвисты, филологи, учебные ресурсы по юридической технике – это безусловная прерогатива юристов. И здесь (вот я проанализировала достаточно большой пласт работ, поскольку стояли соответствующие задачи перед нашим вузом) можно отметить следующее – что все-таки при очень большом объеме теоретического материала, методического материала вопросы практических заданий по формированию умений в области реализации норм русского языка при подготовке юридических документов, во-первых, и, во-вторых, умений по самопроверке будущими составителями юридических документов текстов проектов законодательных документов, вопросы коррекции, умений коррекции этих документов еще не в полной мере обеспечиваются теми учебными материалами, которые используют вузы.

Поскольку у нас в сегодняшних слушаниях достаточно подробно рассматриваются вопросы терминологии, вопросы синтаксиса юридического языка, я на этом подробно останавливаться не буду, но подчеркну, что и материалы диссертационного исследования уважаемого Владислава Юрьевича Туранина (и монография, и докторская диссертация), а также исследовательские материалы Николая Александровича Власенко в качестве практических примеров активно используются, например, в курсах подготовки по культуре речи для студентов юридических вузов. Конечно, и вопросы некорректной терминологии, и вопросы качества синтаксических структур в текстах законодательных документов должны найти практическое

отражение в тех учебных материалах, которые готовятся для юристов. Поэтому предложение (возможное предложение) в перечень рекомендаций – это обновленный подход к разработке учебных материалов, учебных курсов по юридической технике, культуре речи в правовой сфере с совместным участием и юристов, и лингвистов, и с акцентом на умениях в области редактирования и устранения юридических и лингвистических ошибок в юридических текстах, в том числе и в текстах законодательного жанра.

И в заключение еще пара слов о том, что предлагалось бы сделать в международном контексте применительно к роли языка для качества законодательной и правоприменительной практики.

Не секрет, что ряд законодательных документов Российской Федерации системно используется для взаимодействия Российской Федерации в международно-правовом, междисциплинарном пространстве, для работы с зарубежными организациями, институтами и так далее. То есть необходимы, соответственно, качественные версии, в том числе и законодательных текстов, на иностранном языке. Я не буду здесь углубляться в подробности, но ситуация удручающая. Я могу только сказать, что наш университет в течение более пяти лет работал в качестве экспертной организации, обеспечивал лингвистическую, юридическую и методическую поддержку работы делегаций Российской Федерации в одном из комитетов Совета Европы. Для предоставления данных нам пришлось перевести еще раз значительное количество статей Уголовного, Уголовно-процессуального и Семейного кодексов, например, поскольку действующие версии не выдерживали никакой критики, наши зарубежные коллеги не понимали сути тех версий, которыми они пользовались до взаимодействия с нами,

хотя есть достаточно авторизованные версии перевода ряда кодексов под руководством профессора Батлера. И поэтому второе предложение — в части международно ориентированной законодательной практики с включением языковой компоненты — это рассмотрение задачи многоязычной, ориентированной на прикладные вызовы подготовки юристов и лингвистов — специалистов в области многоязычной юридической деятельности (возможно, в области юридического перевода). Здесь, может быть, имеет смысл обсуждать вопросы целевой подготовки специалистов по специальным магистерским программам, где вопросы юридической деятельности связаны и с многоязычным контекстом, ориентированным на правовую аудиторию. Спасибо большое. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое.

Да, мы обязательно включим в проект рекомендаций. Очень интересное последнее предложение. Действительно, должна быть целевая подготовка, потому что специфично... Очень важно, чтобы перевод наших законов действительно был точным и сопоставимым с тем, что принято у них в юриспруденции, в их законодательстве. Очень многие классические вещи одинаковы, с какими-то различиями, но очень много сходства. И от правильного перевода очень многое зависит. Это специфическая сфера — юридическая, и владение иностранным языком применительно к юридическим текстам — это действительно специфика.

Мы посмотрим еще в стенограмме, но, может быть, Вы нам дадите текст своего выступления?

А.А. АТАБЕКОВА

Да, я буду рада прислать материалы, я просто поздно узнала

об этом мероприятии.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А что касается предложения относительно (и у Вас звучит то же самое) совместной работы лингвистов и юристов над терминологией, еще раз подчеркиваю, мы поставим такой вопрос и согласуем, чтобы у нас была создана такая комиссия, коль скоро у нас есть специалисты и внутри Совета Федерации (это очень важно – когда они есть и среди сенаторов), но и благодаря такой мощной экспертной поддержке тем более можно эти вопросы обсуждать. Лиха беда начало, как говорится.

Я предоставляю слово Ильиной Ольге Юрьевне, декану юридического факультета Тверского государственного университета, заведующей кафедрой гражданского права Тверского государственного университета. И она руководитель научно-экспертного совета по вопросам семейного и гражданского права при нашем комитете.

И приготовиться Кнутову.

Пожалуйста.

О.Ю. ИЛЬИНА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемая Людмила Николаевна, уважаемые участники парламентских слушаний! Конечно же, русский язык и слово имеют существенное значение при написании законов и при применении законов.

Я бы хотела начать свое выступление с цитаты выдающегося отечественного судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: "Слово – одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе, оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренне и вовремя. Оно способно увлекать за собой самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском".

Уважаемые участники слушаний! Мы прослушали несколько выступлений, и я скорректирую немного свое в этом контексте.

Мне бы хотелось отметить оценочные категории в семейном законодательстве и необходимость толкования. Вот это слово, на которое обратил внимание Анатолий Федорович Кони, – это определенные эмоции законодателя, выраженные в правовых нормах. И как можно почувствовать эти эмоции в нормах закона? Наверное, только через оценочные категории. И почему семейное законодательство? Потому что семейные отношения уникальны сами по себе, их невозможно привести к какой-либо формуле, и без оценочных категорий законодатель при регулировании семейных отношений обойтись просто не может.

Наши коллеги из Института русского языка употребили такое понятие, как "гражданский брак". И присутствующие здесь студенты (мы с ними еще не изучали семейное право, но студенты старших курсов скажут) подтвердят: на первом занятии я прошу студентов (прошу прощения за такой термин сейчас) почистить свой лексикон и не употреблять такие словосочетания, как "гражданский брак", "однополоый брак", потому что брак – это брак, это союз мужчины и женщины, зарегистрированный в органах ЗАГС. Это может быть сожительство, это может быть все что угодно, но только не гражданский брак.

Так вот, нормы Семейного кодекса изобилуют оценочными категориями, и мы можем говорить о толковании двух видов для обеспечения эффективности применения соответствующих норм – это научное толкование и судебное толкование, то есть это Пленум Верховного Суда, акты Верховного Суда в виде определений по конкретным делам и, безусловно, научная дискуссия. Я обращаю внимание в своем выступлении на некоторые оценочные

категории, и прежде всего на само понятие семьи, на саму категорию, на сам термин "семья". В действующем Семейном кодексе этот термин отсутствует. Различные законопроекты были предложены, и так или иначе вполне обоснована, и объективно обоснована, необходимость включения в Семейный кодекс, в терминологический аппарат Семейного кодекса, термина "семья" и соответствующего определения. Почему, зачем и как это связано с эффективностью применения? Допустим, статья 22 Семейного кодекса, определяющая прекращение брака посредством его расторжения в суде, что она нам... вернее, не нам, а судье?.. То есть мы можем (ученые могут) выражать свои эмоции, а судья должен рассматривать конкретный спор и принимать решение. Так вот, в соответствии со статьей 22 Семейного кодекса суд принимает решение о расторжении брака, если им будет установлено, что невозможно сохранение семьи. Три понятия, являющиеся, на мой взгляд, оценочными. Что значит невозможность? Можно либо не можно. Что значит сохранить? И что значит семью в данном случае? И судья при рассмотрении дела о расторжении брака применяет вот эту оценочную категорию. Она включает, да, три признака — невозможность, сохранение и союз семьи.

Весьма интересен один из судебных актов — это апелляционное определение. Да, но относительно древнее — это 2011 год, но я бережно храню этот раритет и тоже на него ссылаюсь при обосновании необходимости нормативного закрепления и признаков семьи, и самого термина, легального признания термина семьи. Дело элементарное — о расторжении брака. Суд отказал в удовлетворении иска о расторжении брака. Была подана апелляционная жалоба, и в апелляционной жалобе

одним из аргументов было то, что ответчик фактически создал новую семью. В апелляционном определении указывается, что этот довод не может быть принят во внимание, потому как в науке семейного права под семьей следует понимать союз лиц, основанный на браке, родстве, усыновлении либо иных формах принятия ребенка в семью на воспитание. А то, что муж, пока еще действующий, проживает с другой женщиной и апеллирует к этому, говорит, что он создал уже новую семью, не может быть принято во внимание. То есть суд при рассмотрении дела в рамках апелляционного определения обратился к доктрине и использовал подход, что такое семья. И в данном случае нельзя говорить о том, что есть уже новая семья. Вообще, такие словосочетания – "новая семья", "другая семья" – вполне обоснованны для искового заявления, но не для судебного акта, потому как на сегодняшний день нет нормативно закрепленного термина семьи.

Еще одна оценочная категория, на которую я хотела бы обратить внимание, – это "уважительные причины". Достаточно часто Семейный кодекс использует это понятие: допустим, статья 11 Семейного кодекса, где указываются уважительные причины как основание для сокращения срока для регистрации брака; статья 13 Семейного кодекса, где указывается, что орган местного самоуправления при наличии уважительных причин может разрешить заключение брака лицам, достигшим возраста 16 лет. И здесь мы хотя бы предполагаем, что перечень обстоятельств, признаваемых уважительными причинами, является открытым и определяется усмотрением правоприменителя. Но вот в двух статьях последующих, которые регламентируют имущественные правоотношения между супругами, законодатель весьма интересно использует эту оценочную категорию. То есть в

статье 34 речь идет о том, что каждый из супругов имеет право на половину того имущества, что нажито в период брака, если в период брака не имел самостоятельного дохода по уважительным причинам. А в статье 39 всплывают, прошу прощения, неуважительные причины, где законодатель говорит о том, что суд может отойти от принципа равенства долей супругов при разделе общего имущества, если один из супругов по неуважительным причинам не имел самостоятельного дохода. Уважаемый законодатель, а о чем идет речь – тут уважительные причины, а вот тут не уважительные причины? И как этой оценочной категорией оперировать правоприменителю?

Если еще обратиться к нормам, регулирующим отношения между супругами, есть такая уникальная оценочная категория – "добросовестный супруг". Кто это такой? Если попытаться определить содержание этого понятия исходя из последствий... В статье 30 Семейного кодекса обозначено, что добросовестный супруг... суд, вернее, может признать добросовестным супругом того, чьи права были нарушены заключением данного брака, и соответствующие последствия определяет. Возникает вопрос: а статус добросовестного супруга каким образом определяется? Это женщина пришла в суд и говорит "я добросовестная супруга" – и этого вполне достаточно или же суд должен признать одного из супругов добросовестным, а потом уже применять те последствия, которые установлены в статье 30 Семейного кодекса?

Если мы обратимся к статье 28 Семейного кодекса, устанавливающей круг лиц, обладающих правом требовать признания брака недействительным, то законодатель использует разные формулировки. У нас есть супруг, права и интересы которого нарушены заключением данного брака. Следующая

позиция – супруг, который не знал о препятствующих заключению брака обстоятельствах. Значит ли это, что он тоже добросовестный супруг? То есть законодатель как минимум в трех абзацах одной статьи, одного пункта одной статьи использует такую вот оценочную категорию, и всё – на усмотрение правоприменителя.

По супругам еще интересная практика – в отношении определения предметов роскоши. Законодатель использует какую конструкцию в статье 34 Семейного кодекса? "Драгоценности и другие предметы роскоши". Что означает союз "и"? Есть драгоценности и есть другие предметы роскоши. То есть драгоценности – это один из видов предметов роскоши (вроде бы так получается). В судебной практике по-разному суды подходят к определению предметов роскоши. Как правило, это норковые шубы и драгоценности. И если в отношении драгоценностей есть хотя бы федеральный закон, определяющий, что такое драгоценный металл и что такое драгоценные камни, то в отношении предмета роскоши один и тот же вид объекта – норковую шубу, как свидетельствуют материалы судебной практики, в одном случае суд не признает предметом роскоши, потому что применяет качественный показатель – 40 процентов износа (поэтому это не предмет роскоши), в другом случае – потому что женщина проживает в районе Крайнего Севера (какая это роскошь? Это вещь первой необходимости). То есть критерии, которыми руководствуется суд при определении, является вещь предметом роскоши либо не является, тоже достаточно разнообразны.

И еще одно оценочное понятие, которое, на мой взгляд, является комплексным и весьма значимым, можно определить как "противоречие интересам ребенка" (либо, наоборот,

"непротиворечие интересам ребенка"). Очень много норм в Семейном кодексе, которые в том либо ином варианте содержат эту оценочную категорию. То есть вот единственной такой формулировки, в кавычках, нет, кроме как "интересы ребенка". Допустим, в статье 57 Семейного кодекса речь идет о том, что при учете мнения ребенка от чего-то можно отойти, если это противоречит интересам ребенка. А кто будет определять, противоречит это интересам ребенка либо нет? В статье 64 Семейного кодекса указывается, что орган опеки и попечительства обязан назначить ребенку представителя, если органом опеки и попечительства будет установлено противоречие между интересами ребенка и интересами родителей. Где эти критерии? На мой взгляд, вот эта формула – противоречия интересам ребенка (либо, наоборот, повторю, непротиворечия интересам ребенка) – самая сложная оценочная категория, определяя которую законодатель использует, конечно же, различные варианты. Но именно наличие оценочных категорий в Семейном кодексе Российской Федерации позволяет обеспечить эффективность применения норм Семейного кодекса и обеспечить защиту прав и интересов участников семейных отношений. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Ольга Юрьевна. Очень интересно. Я думаю, что все с большим удовольствием слушали.

О.Ю. ИЛЬИНА

Я прошу простить нас, уважаемая Елена Борисовна, уважаемая Людмила Николаевна, уважаемые участники... Мы со студентами Тверского государственного университета, кто сегодня присутствует на парламентских слушаниях, с самого утра в Москве, и у нас еще не совсем исчерпана программа, поэтому

разрешите нам, пожалуйста, уйти?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно-конечно.

О.Ю. ИЛЬИНА

Можно по-английски?..

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста.

О.Ю. ИЛЬИНА

Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошего вам пребывания в Москве и успехов в учебе!
Спасибо большое. Замечания и предложения пришлете, как всегда,
ладно, Ольга Юрьевна?

О.Ю. ИЛЬИНА

Конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Слово предоставляется Кнутову Александру Владимировичу,
старшему научному сотруднику Института государственного и
муниципального управления Национального исследовательского
университета "Высшая школа экономики". Тема – "Анализ
синтаксической сложности языка российских законов". В режиме
ВКС. Очень интересный материал (мы вам всем раздали, коллеги),
очень любопытный.

Пожалуйста, Александр Владимирович, Вам слово.

И приготовиться Хижняку Сергею Петровичу.

А.В. КНУТОВ

Добрый день, уважаемая Елена Борисовна, уважаемые
коллеги! Спасибо за возможность выступить на столь высоком
уровне.

Пожалуйста, второй слайд.

Наш Институт государственного и муниципального управления Высшей школы экономики занимается темой языка законов с 2019 года. И основные выводы, к которым мы пришли, следующие. Это то, что язык, конечно, становится с каждым годом все более сложным (это подтвердили уже и предыдущие докладчики), и при этом, по нашему мнению, сложность языка является избыточной. То есть закон – это сложный текст, который оперирует сложными материями, понятиями, явлениями общественной жизни, и он, наверное, все-таки не может быть простым, но он не должен быть избыточно сложным.

Мы в наших исследованиях касались синтаксиса, это проще, чем терминология, потому что поправить синтаксис легче, чем поправить терминологию. В законодательстве всегда будет место, наверное, "каучуковым" нормам, то есть оценочным: добросовестный, ответственный, в интересах кого-то. То есть, наверное, не уйти от этого, будет какое-то проявление такого толкования, в том числе простор для судей.

Следующий слайд, пожалуйста.

Чтобы понять, каков синтаксис законов, нам первым делом предстояло составить корпус (у нас было корпусное исследование). И мы действительно выделяли, как Елена Борисовна их назвала, базовые законы. Мы их назвали в своем исследовании "содержательные законы". И по состоянию на 31 декабря 2021 года, то есть на конец прошлого года, мы таких законов для себя регистрировали 625. То есть это все законы, кроме о внесении изменений, об утверждении бюджета, о ратификации международных договоров, о создании и упразднении судов и так далее. Мы их отмели и оставили только вот содержательные

законы, которые регулируют ту или иную сферу общественных отношений. И таких законов по состоянию на конец прошлого года 625. И при этом мы также составили еще исторические корпуса в редакциях законов, которые действовали на конец каждого года работы очередного созыва Государственной Думы. А с 2018 года мы каждый год составляем такие корпуса, размещаем на сайте Высшей школы экономики, исследователи могут их скачать и тоже с ними какие-то корпусные исследования проводить.

Пожалуйста, следующий слайд (пятый).

Мы тексты этих законов обработали в специальной программе, которую создали, которая позволяет методом применения парсера выделять синтаксические конструкции. Таким образом, мы определили основные синтаксические конструкции — это доли глаголов, длина словосочетаний, причастные обороты и так далее. И на базе этого понимания мы уже смогли сопоставить их с такими же показателями по другим категориям текстов.

Если нажать следующий слайд, должна появиться таблица, на этом же слайде. Мы сопоставили это с русской современной прозой, статьями деловых СМИ, с научными статьями и с государственными докладами. Так вот, мы видим, что законы по всем статьям сложнее, естественно (это ожидаемая гипотеза, очевидная), современной прозы. Например, глаголов там практически в четыре раза меньше, чем в современной прозе, словосочетания почти в четыре раза длиннее, ну и так далее (не буду перечислять, слайд у всех перед глазами).

Потом нам пришла в голову такая идея — сделать какой-то интегральный индекс, потому что сложно давать какую-то оценку на базе таких разношерстных показателей. И мы с помощью

эксперимента собрали 20 профессиональных юристов и 20 студентов магистратуры юридических факультетов, определили такие коэффициенты значимости как по субъективным и объективным показателям этого эксперимента, выделили значимость. Тут я, наверное, опущу методологию. Кому интересно – эти результаты опубликованы.

Пожалуйста, следующий слайд. И следующий.

В итоге у нас получилась вот такая сложная формула: не учитываются следующие синтаксические параметры – это глаголы, причастные обороты, словосочетания, расстояния между зависимыми словами, количество предикативных ядер в предложениях, количество слов в абзацах и количество слов предложениях в среднем. Практически все эти законы, корпуса которых мы составили, были обработаны по этой формуле, и на каждый закон был определен свой интегральный индекс сложности.

Следующий слайд, пожалуйста.

В итоге получилось, что средний индекс на среднестатистический закон составляет 40, минимально, на самый простой закон, – 16, а на самый сложный – 65.

Следующий слайд.

Мы сравнили (ну, чтобы просто приземлить) эти ни о чем пока не говорящие цифры с другими текстами. Например, трактат Иммануила Канта "Критика чистого разума" – 48 (по нашей методологии), Конституция Российской Федерации – 28, "Каштанка" Чехова – 12. Примерно в таком диапазоне находятся наши законы.

Следующий слайд, пожалуйста.

Самыми сложными законами... Тут мы выписали некоторые

законы, которые более-менее у всех на слуху, и ранжировали их в рейтинг. Вот, например, закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг. На самом деле предмет такого закона касается граждан, и удивительно, что он один из самых сложных в нашем корпусе – 17-й по сложности. Также сложный закон – о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта. Почему я остановился на этом законе? Потому что в этом законе самое длинное предложение в российском законодательстве, не основанное на перечислении. В предложении одной из статей этого закона 800 слов, то есть это, ну, просто нечитабельный текст. А, кстати говоря, что касается Семейного кодекса, это один из самых простых текстов – индекс его составляет всего 32, и он находится на 563-м месте по сложности.

Следующий слайд, пожалуйста.

Наверное, это будет ключевой слайд, который как бы всю соль исследования показывает. Это динамика нашего индекса с 1991 года по конец прошлого года. Как я уже говорил, мы до 2018 года составляли такие корпуса и, соответственно, считали индекс на последний год работы очередного созыва Государственной Думы. А после 2018 года мы стараемся поддерживать эту работу ежегодно и все время обновлять данные.

Так вот, получается, что наибольшее усложнение законодательства произошло в шестом созыве Государственной Думы: средний индекс по корпусу законодательных актов вырос на два пункта, а законодательство приросло почти 2 миллионами слов.

Следующий слайд, пожалуйста.

Также мы все законы отнесли к той или иной группе, то есть

по регулятору, который курирует соответствующую сферу общественных отношений. Наиболее сложные законы были у Минстроя, наиболее простые – у Минсельхоза.

Следующий слайд. И еще один (пропустим один слайд, потому что уже все, наверное, устали).

Этот слайд касается поправок в Конституцию. Да, мы видим, что юридическая техника, которая была в 90-х годах, проще, поэтому и Конституция в результате изменений усложнилась по нашей методологии, и новый закон о правительстве стал сложнее, и закон о формировании Совета Федерации тоже стал сложнее.

Пожалуйста, следующий слайд.

На данном слайде мы пытались показать, как закон усложняется по мере внесения в него изменений. Мы сравнили законы в первоначальных редакциях, в том виде, в котором они были приняты впервые, и уже потом – по мере внесения в них изменений. В среднем в каждый закон вносятся изменения 20 раз, в его, так сказать, жизненном цикле, и при этом одно изменение приводит к прирастанию его сложности на 0,1 пункта.

Владимир Борисович в своем выступлении говорил о том, как сложно преодолевать межведомственные рамки. И вот в этом именно мы видим причину, почему внесение изменений в закон приводит к его усложнению, – потому что, когда тот или иной инициатор законопроекта, например какой-то федеральный орган исполнительной власти, инициирует изменения, готовит редакцию, изменяющую ту или иную статью, он, может быть, не вправе, а может быть, экономя свои усилия, не пытается согласовать свои изменения с уже существующими правовыми положениями именно в таком синтаксическом, что ли, смысле, то есть абзацы

становятся гигантскими, статьи... чтобы не придумывать новую статью в законе, вносит изменения в уже существующие статьи, и в итоге как бы они становятся непропорциональными другим структурным элементам закона. Все это приводит, по нашему мнению, к усложнению.

Следующий слайд, пожалуйста.

Здесь мы попытались также сравнить...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Завершайте, пожалуйста.

А.В. КНУТОВ

...законы по субъектам Российской Федерации в Центральном федеральном округе. Региональные законодательные акты оказались проще, чем федеральные. В среднем региональный закон в четыре раза короче федерального. Наиболее сложные мы обнаружили в Орловской, Смоленской областях, наиболее простые – в Калужской и Владимирской областях.

С чем мы связываем то, что региональные законы проще? Во-первых, у них все-таки более простые... *(Обрыв связи.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Все?

А.В. КНУТОВ

...требуется все согласовывать. Мы отметили также, что в разных субъектах совершенно разное количество законодательных актов – например, от 164 до 336. Это связано с тем, что в разных субъектах совершенно по-разному подходят к кодификации тех или иных общественных отношений. В каких-то субъектах действуют кодексы социальные, где аккумулировано все региональное регулирование о социальной помощи, о социальных пособиях.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Заканчивайте, потому что Вы уже немножко время перебрали, а у нас есть еще выступающие, мы в 17 часов 30 минут должны закончить.

А.В. КНУТОВ

Тогда все, резюмирую свое выступление.

Владимир Борисович говорил, что сложно аппаратам Государственной Думы и Совета Федерации преодолевать мнение тех, кто инициирует акты, потому что не вправе вторгаться в их компетенцию. Совершенно согласен. Поэтому необходимы какие-то институциональные изменения в части наделения новыми полномочиями аппарата правительства по расширению предмета лингвистической экспертизы. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Но не уверена, что именно в таком контексте надо ставить вопрос, потому что у нас и так очень велико влияние органов исполнительной власти, которые должны подчиняться законам, на содержание законов, и не только при разработке, но и при экспертизе и конечном выходе. Сегодня это слишком избыточный перекос в системе законодательства, может быть, связанный с этим. Все-таки правительственные структуры и органы исполнительной власти — это одни из участников правового взаимодействия, и отнюдь не главные.

А.В. КНУТОВ

Уважаемая Елена Борисовна, я говорил об Аппарате Государственной Думы, не правительства, — наоборот, усилить роль...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но Вы сейчас сказали про правительство.

У вас очень хорошие рекомендации, в вашем тексте. Спасибо. Мы часть из них возьмем и в мотивировочную часть, и в резолютивную. Мы за Государственную Думу... можем ей только предложить создать такую комиссию. Но мы попытаемся создать такую комиссию (убедить) у нас, в Совете Федерации. Поэтому каким точно будет ее название... Вот, может быть, такое... Нам понравилось и ваше название (здесь несколько прозвучало), но весь их смысл как раз в том, чтобы уйти от этой терминологической чехарды, скажу так. И у вас очень убедительные многие данные, мы, с Вашего разрешения, включим их тоже в мотивировочную часть. Спасибо Вам большое.

Еще раз обращаю внимание всех: до пятницы включительно, до 18 часов, можно присылать предложения к рекомендациям.

Я очень прошу оставшихся выступающих, кто настаивает на выступлении, укладываться в регламент.

У нас сейчас выступит Хижняк Сергей Петрович, профессор кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, на тему "Роль лексикографии в упорядочении юридической терминологии". В режиме ВКС. Саратов, кстати, тоже известен своими публикациями и развитием этой темы.

Приготовиться Литвиновой Татьяне Александровне.

И у нас осталось еще... Кто настаивает на выступлении? Нам в 17 часов 30 минут нужно закончить. Постарайтесь как можно короче.

Пожалуйста, Сергей Петрович. Желательно рекомендации.

С.П. ХИЖНЯК

Спасибо большое за предоставленное слово и возможность

выступить по этой теме. Тема – роль лексикографии... точнее, терминографии (тогда уж) в упорядочении юридической терминологии.

Эта проблема активно обсуждается на протяжении последних десятилетий, тем не менее проблем очень много.

Главным средством упорядочения терминосистем является, конечно, терминологическая и терминографическая работа. Общие направления терминологической работы в Российской Федерации определены в двух важных документах, принятых Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии, – в национальных стандартах Российской Федерации "Терминологическая работа. Принципы и методы" и "Терминологическая политика. Разработка и внедрение" от 2010 и 2012 годов.

При обсуждении вопроса об обеспечении порядка в терминологии в современном терминоведении используется много терминов – "систематизация", "стандартизация", "упорядочение", "гармонизация"... Но, если мы обратимся к словарям и проведем ступенчатую идентификацию этих значений, в конечном итоге мы придем к термину "упорядочение", поэтому я им и буду оперировать.

Основные правила терминологической работы в соответствии со стандартом "терминологическая работа" касаются трех основных аспектов – формулирования дефиниций в соответствии с иерархической организацией терминов и понятий по родовому признаку, принципов формирования наименований и установления соответствий между национальными терминосистемами с целью обеспечения международного обмена товарами, услугами, развития сотрудничества и так далее.

Что касается последнего аспекта — в отношении юридической терминологии, международная стандартизация любой национальной юридической терминологии труднодостижима, так как терминосистема, система понятий права обусловлены национально-культурными особенностями его природы.

Основой упорядочения терминосистемы является определение специфики терминов конкретной предметной отрасли не просто как слов и словосочетаний, обозначающих понятия соответствующей отрасли знания, но и их лингвистических особенностей. И в этом плане существующие лингвистические характеристики юридических терминов явно нуждаются в уточнении.

Одной из основных проблем при определении языковых свойств юридических терминов является смешение сущности термина и источников пополнения юридической терминологии (об этом сегодня как раз говорили), потому что использование слов общелитературного языка — это источник, это не сущность термина. И поэтому, когда слово переходит в юридическую терминологию, оно обязательно должно получить терминологическое значение, потому что оно вписывается, каждое слово, в определенные классификации, в определенную иерархию понятий. И поэтому в соответствии с семантикой слов, терминов любое слово, которое переходит в юридическую терминосистему, должно получить юридическое содержание.

С данной проблемой связаны и существующие положения в терминологии права, обусловленные наличием среди терминов, воспринятых из общелитературного языка, недефинированных единиц. Более того, иногда утверждается, что в силу понятности

общелитературных единиц они не нуждаются вообще ни в каких дефинициях. Однако в этом случае остается расплывчатой юридическая характеристика термина, который при таком подходе не обязательно должен обладать юридическим содержанием.

Значения терминов, заключенные в дефиниции, равные понятиям, включающим в себя существенные признаки, предметы, явления, неизбежно должны отражать родовидовую иерархию терминов. В этом смысле юридическую терминологию никак нельзя назвать идеальной, так как кроме дефиниций, построенных по родовидовому принципу, исследователи-лингвисты выделяют наличие в праве до семи типов дефиниций, большинство из которых нельзя назвать системными.

Терминологический стандарт определяет, какие типы дефиниций релевантны вообще для терминосистем, и там это все можно посмотреть.

К идеальному термину сконструированы требования, некоторые из которых труднопреодолимы в силу неизбежного проявления языковых антиномий, которые являются движущей силой языкового развития, например, тех, которые обуславливают наличие синонимии, омонимии, многозначности языковых единиц.

Поскольку основным средством упорядочения терминосистем являются словари, простейшее формализованное представление лексики — это толковый словарь. В настоящее время есть ряд юридических энциклопедических словарей, однако с точки зрения упорядочения терминосистем более важны терминологические словари толкового типа, не перегруженные неязыковой информацией.

Предварять работу над терминологическими словарями

следовало бы составлением логико-понятийных или так называемых денотативных карт по отраслевому принципу. Денотативная карта предполагает графическое изображение содержания блока информации, представляющее уровни и последовательность развертывания содержания понятий на родовом и видовом уровнях дифференциации. Такая работа, естественно, под силу только юристам.

Важной задачей является также создание глоссариев недефинированных терминов и словарей конкордансов, представляющих собой основу для создания различных словарей с помощью компьютерной обработки электронных текстов любой предметной области. Вместе с тем в современном терминоведении и информатике разработан ряд методов и компьютерных программ, способствующих извлечению терминов и кандидатов в термины из корпусов текстов и основанных на использовании метода относительной частоты встречаемости в них языковых единиц.

И последнее (это важно, и мне хотелось бы на это особое внимание обратить). Для любой предметной отрасли важным практическим инструментом являются так называемые семантические словари. Основной единицей описания в словаре является значение слова. Семантический словарь строится на основе компонентного анализа значения слова с выделением родовых и видовых компонентов значения. Словарная дефиниция в этом случае представляет собой разложение значения термина на его смысловые составляющие.

Анализ должен проводиться не только с учетом законов, текстов законов, но для извлечения семантики релевантной и юридически значимой информации важно использовать

комментарии к законам, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, определения Конституционного Суда Российской Федерации.

Таким образом, алгоритм по упорядочению терминологии законодательства можно представить в виде этапов: первое – разработка денотативных карт отраслей права; второе – инвентаризация всех терминологических единиц и кандидатов в термины с использованием различных методов и технологий; третье – экспертная оценка правильности выделения указанных единиц; четвертое – инвентаризация семантических признаков для обоснования их включения в дефиниции... *(обрыв связи)* ...справочником для юристов, для законодателя, который может использовать, принять, отвергнуть, изменить представленную в таком словаре семантическую информацию, затем – составление семантических словарей и упорядочение правовых дефиниций. Благодарю за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Сергей Петрович.

Коллеги, осталось буквально четыре минуты до окончания. У нас здесь очно присутствуют коллеги. И, если вы не возражаете, может быть, по минуте хотя бы, кто настаивает?.. Большая просьба: очень коротко. Просто зал закроют – и мы с вами ничего не успеем.

Ульянова Марина Вячеславовна, заместитель заведующего кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия. Тема – "Понятия и термины семейного права".

Приготовиться Рябцевой Екатерине Владимировне.

Я только очень просила бы – как можно короче. Хорошо?

Тем более вы можете передавать тексты в письменном виде.

М.В. УЛЬЯНОВА

Спасибо.

Я коротко остановлюсь на том, как влияет четкость терминологии на возможность осуществления семейных прав и соответственно исполнения обязанностей. В частности, это хорошо заметно в отношениях как детско-родительских, так и супружеских. В частности, Ольга Юрьевна сегодня уже обращала внимание на четкость терминологического аппарата Семейного кодекса, и я немножко добавлю теперь в части терминологии Семейного кодекса.

В комплиментарной части кратко скажу, что постановлением правительства от 2 ноября 2021 года были внесены изменения в постановление о понятии доходов, с которых взыскиваются алименты на детей, несовершеннолетних. И это значительно, я думаю, изменит сейчас практику, судебную практику, в части обращения при оспаривании тех доходов, с которых они взыскиваются, потому что в том постановлении, которое существовало до того, существовала терминологическая неясность. Понятие "доход" у нас используется в рамках экономической деятельности, гражданского права, но понятие "доход" в семейном праве имело свои особенности, поэтому не с любого дохода взыскивались алименты. И это очень важно, потому что сейчас это позволит осуществлять право на алименты, взыскивать их в надлежащей форме и не нарушать права лиц, которые имеют на это право.

Дальше. Отграничивать термины необходимо в рамках гражданского и семейного законодательства. Это очень важно, потому что цели и мотивы правового регулирования здесь

отличны. И, исходя из этого, в частности, в гражданском праве, например, употребляется у нас термин "сотрудничество", а в семейном праве (законодатель очень четко указал) — "взаимопомощь", и это отражает существо семейных отношений.

Дальше. Исходя из того что семейное право у нас все-таки обладает некоторой социальной направленностью, отмечу следующее. В статье 1 выделена в качестве приоритета защита прав нетрудоспособных и нуждающихся, а в рамках гражданского законодательства, где имеет место равенство субъектов, говорят о слабой стороне отношений. Однако сейчас мы все чаще наблюдаем проникновение терминов гражданского законодательства в терминологический аппарат семейного. И, несмотря на отсутствие этого термина еще в Семейном кодексе, уже применяется этот термин, например "защита слабой стороны", в отношении супругов, когда они заключают сделки (один из них может не знать об этом).

Последний, может быть, штрих, который дополнит.

В международных конвенциях, которые Российская Федерация ратифицировала в последнее время, в подготовке которых она не принимала участия, но тем не менее они были ратифицированы, в части, например, гражданско-правового аспекта похищения детей употребляется термин "опека, опека родительская", который у нас, например, не применяется. И мы уже заметили, что этот термин стал проникать в судебные акты и заключения экспертов и тем самым вносится некоторая путаница, в то время, когда наш терминологический аппарат говорит о правах и обязанностях родителей. Спасибо большое за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое. По заявлению родителей мы вводим

сейчас, такой законопроект подготовлен, по расширению таких прав, именно как родительских прав.

Спасибо Вам большое, Марина Вячеславовна. Если будут замечания и предложения к проекту рекомендаций, будем признательны.

Рябцева Екатерина Владимировна, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия. Тема – "Проблемы правового регулирования категории "интерес".

К Вам просьба, Екатерина Владимировна: минута.

Е.В. РЯБЦЕВА

Буквально минута. Хотела бы обратить внимание на следующий момент. Дело в том, что юридические термины, которые используются в законах, – это прежде всего правовые категории, которым нужно обеспечить эффективное правовое регулирование. И исходя из этого необходимо учитывать их сущность, которая определяется прежде всего определенным типом правопонимания. В своем выступлении, которое содержится в разосланных материалах, как раз на примере интереса я показываю законодательное расхождение относительно понятий законного публичного интереса, сложносочиненного понятия "конфликт интересов", интересы на государственной службе, публичные интересы. Они расходятся, и объяснение с точки зрения юридического позитивизма, с которой мы часто сталкиваемся, и, как правило, используем, как раз не дает возможность использовать сущностные подходы к этому термину.

Поэтому при формулировании терминологического понятийно-категориального аппарата необходимо исходить из интегративного типа понимания. Вот на примере интереса как раз

обосновывается, что включение законодательной именно категории "правовой интерес" более точно и полно отражает сущность того явления, которое законодательно закрепляется. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо Вам большое. Спасибо за понимание, Екатерина Владимировна. Если в письменном виде Ваш материал...

Слово предоставляется, если настаиваете, Шепелеву Артуру Николаевичу, доценту кафедры гражданского права и процесса Юридического института Тамбовского государственного технического университета.

Приготовиться Давыдовой Марине Леонидовне.

А.Н. ШЕПЕЛЕВ

Большое спасибо за предоставленную возможность. Я тезисно, прямо за минуту тогда изложу свои мысли в своем выступлении.

Здесь очень много говорили о том, что у нас законодательство слишком сложное, что необходимо лаконично, более ясно, просто, понятно излагать мысли законодателя. При этом я являюсь противником ясности, доступности изложения мыслей таковых, поскольку это невозможно. И опыт, который отражен, скажем, в слайдах, показывает, что тенденция идет на усложнение, и дальнейшее будет усложнение. Все-таки мы должны понимать, что адресатом законодательных актов являются не граждане, а специалисты, которым это законодатели адресуют, и они, эти специалисты, являются проводником идей между законодателями и гражданами. И, соответственно, мы исходим из того, что простой язык не сможет донести мысль в полной мере, которую планирует законодатель как итоговый вариант. Простой

язык вреден для законодателя. Это мысль такая.

То есть в своем выступлении я, конечно, хотел пошагово, по пунктам это объяснить и тезисно, скажем так, аргументированно разбить позицию простого юридического языка, который использует законодатель, но перехожу сразу к выводу, что простой юридический язык неприменим в законодательстве.

И если единственный вариант, который был в свое время использован, — это кодекс Наполеона 1804 года. С тех пор простых, понятных юридических языков у нас и не было, и даже когда появился через год после принятия кодекса Наполеона комментарий к этому кодексу (он все равно появился), Наполеон сказал, что его кодекс погиб.

То есть давайте не допускать все-таки гибели наших законов, используя только простую, понятную терминологию. Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Артур Николаевич. Ваша точка зрения понятна как раз для категории тех, кто считает, что законы не должны быть строго определенными, поскольку в таком случае закон можно не менять, а за счет толкования можно любую норму закона применить к любой ситуации.

Но, еще раз говорю, это одна из точек зрения. Я думаю, мы движемся в другом направлении, потому что цифровизация возможна только при условии, если будут очень точные формулировки законов, терминология понятная, поскольку иначе просто вы не сможете пользоваться такого рода электронными базами, и в том числе применительно к разработке законопроектов. Это была бы идеальная форма разработки, а уже обсуждение все равно в парламенте — это как бы отступление от

идеальной формы, исходя из того, как это понимают законодатели, как это понимают люди, которым адресован закон.

Ну, уж совсем с Вами не могу согласиться, что законы только для специалистов. Я Вам еще раз хочу сказать: тогда такие законы никому не нужны, люди будут от них уходить. Законы нужны именно для того, и в первую очередь для того, чтобы без всяких специалистов гражданин мог реализовать этот закон свободно и используя разрешающие механизмы. Потому что, как правило, субъективное право — это дозволение, это только так: или пользуюсь, или не пользуюсь. Если хочешь использовать — то пожалуйста, делай так, как тебе закон предлагает. Право на образование: окончи школу, получи аттестат, собери документы, выбери вуз, представь туда вовремя документы, обучись, получи потом диплом. Вот, пожалуйста, ты реализовал право на образование, но все это ты должен сделать сам. Соответственно, закон должен быть таким, чтобы не препятствовать тому, кто хочет реализовать это право, а создать такого рода коридор. И в этом смысле закон, который будет разрабатываться, а разработку законов можно компьютеризировать, будет доступен, понятен и фактически создавать такой коридор для реализации субъективного права — вот мы куда идем. Это будет. Поэтому здесь я с вами. Это не означает, что не будет сфер, где будут очень серьезные судебные споры, где требуются специалисты, это тоже будет. Но само качество закона... Потому что подавляющее большинство граждан должны иметь возможность воспользоваться этими законами и жить спокойно, без рисков взаимодействовать в обществе, основная масса должна будет жить именно по таким простым законам. Сейчас, к сожалению, у нас законы скорее больше для специалистов, чем для граждан. И граждане пытаются, еще раз

говоря, обойти законы, жить как-то помимо них и без них, что неправильно, что тоже не очень хорошо, потому что здесь свои риски есть.

Но это точка зрения, с большим уважением. Будем думать.

Давыдова Марина Леонидовна, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета. Пожалуйста, Вам слово.

И приготовиться Драчук Марии Александровне.

М.А. ДАВЫДОВА

Если можно, включите сразу 41-й слайд моей презентации, я выберу из своего выступления как раз то, что будет возражением Артуру Николаевичу, потому что, конечно, примитивизировать язык закона нет необходимости и нет смысла. Но очень часто необходимо просто избавиться его от излишних бессмысленных сложностей. Ну, вот один из ярких примеров – информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Может быть, филологи поправят меня, но с точки зрения русского языка слово "интернет" уже можно писать с маленькой буквы и без кавычек. Тем не менее законодатель даже не во всех нормативных актах сокращает его до конструкции "сеть Интернет".

И у нас есть, как вот в примере, тексты статей, где в одном предложении семь раз повторяется одна и та же конструкция. Это 20 процентов от текста всей нормы. А никакого специального профессионализма или расчета на специалистов нет. Специалистов здесь нет. Как мне кажется, это просто, ну, такое безразличие к читателю, формалистский подход, который, безусловно, нуждается в реформировании.

Мне кажется, что переломить традицию в составлении текстов очень сложно, потому что это тысячи сотрудников

аппаратов правотворческих органов, которые ежедневно выполняют свою работу. И чтобы заставить тех, кто пишет закон, увидеть его глазами тех, кто будет читать этот закон, конечно, нужно властное решение. Нужно осознание масштаба проблемы. А масштаб проблемы заключается в том, что огромный разрыв образуется между тем, что законодатель пытается вложить в закон, и тем, что потребитель в состоянии из этого закона извлечь.

Ну и еще я хотела бы надеяться, что это не последнее подобное мероприятие. Надеюсь, что если вдруг состоится еще одно, то очередность выступающих изменится и я смогу более подробно изложить свои взгляды.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо Вам большое, Марина Леонидовна. Очень интересно, обратили внимание. Если у Вас есть текст, тоже пришлите нам, пожалуйста.

Слово предоставляется Литвиновой Татьяне Александровне.

А приготовиться Султанову Евгению Батыровичу.

И еще у нас Драчук Мария Александровна.

Да, пожалуйста.

Т.А. ЛИТВИНОВА

Спасибо большое. Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемая Елена Борисовна! Буквально 30 секунд, просто сразу перейду к рекомендациям.

Спасибо большое за внимание к такой теме, которая мне очень близка, как компьютерному лингвисту, который занимается вопросами методического обеспечения автороведческой экспертизы. И также в течение нескольких лет я работала редактором юридического журнала. Поэтому проблематика юридической терминологии для меня очень близка.

К сожалению, нет возможности остановиться более подробно, но я изложу в рекомендациях свое видение того, как методы искусственного интеллекта, компьютерной лингвистики могут быть использованы для решения задач упорядочения юридической терминологии, о которых сегодня здесь неоднократно говорилось.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что составление глоссария, тезаурусов – задача, которая является актуальной, о которой здесь неоднократно говорили, безусловно, должна на что-то опираться. Составление дефиниций, дефинирование юридических терминов, являющееся сложной проблемой, требует методической поддержки, не только компетенций лингвистов, юристов, но и методической поддержки, которая может быть оказана компьютерными лингвистами, которая может быть основана на корпусах текстов.

Большая часть юридических текстов сейчас доступна в электронном виде, и, как мне (перейду сразу к рекомендациям), как компьютерному лингвисту кажется, необходимо использование, более широкое использование, чем это сейчас происходит, именно методов компьютерной лингвистики, автоматической обработки текстов, то есть создание информационно-справочной базы данных, архитектуру, которой я изложу в рекомендациях, если позволите. Она состоит из двух... Ее создание не является какой-то безумно сложной задачей. Основы ее могут быть заложены уже сейчас. Эта база может быть основана на двух принципиальных элементах. Первое. Мы загружаем не только, в двух словах скажу, пользователи... Пользователями такой базы могут быть не только эксперты, юристы, лингвисты, то есть непосредственно правоприменители, но и обычные люди. Спасибо

вам за вашу позицию относительно языка права, который должен быть понятен обычному человеку. Мне, допустим, как обывателю, нужно знать значение какого-то термина, а я не знаю о том, что у него есть синонимы. Мы понимаем, что синонимия юридических терминов – это сложная проблема. Сейчас существуют методы дистрибутивной семантики, которая позволяет нам на основе корпусов текстов (они разработаны для русского языка) в считанные секунды автоматически предложить пользователю синоним, то есть что искать, чтобы человек, который не знает, что искать, кроме того слова, которое он знает, что ему необходимо... Ему система может выдать список синонимов автоматически, и уже далее он может искать по этим синонимам контексты конкорданса их употребления.

То есть такая система может быть полезна не только юристам, но и непосредственно обычным пользователям.

И еще 30 секунд буквально и завершаю. Второе мое предложение – это разработка... Сегодня говорилось о том, что необходимы консолидация усилий лингвистов и юристов, создание новых магистерских программ. Добавлю только, что добавление компетенции и в области IT, то есть подготовка специалистов на стыке IT, на стыке компьютерной лингвистики и юриспруденции является важнейшей задачей и тоже вполне реализуемой, потому что очень много опыта накоплено у нас, у компьютерных лингвистов, у корпусников. И создание таких учебных курсов, на мой взгляд, продвинет использование методов автоматической обработки языка, которые во всем мире применяются в правовых текстах, и я убеждена, что должны и будут в ближайшем времени применяться и в русскоязычных юридических текстах.

Еще раз спасибо. Всего доброго! Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Татьяна Александровна. Обязательно включим в проект рекомендаций то, что Вы предложили, и разработки по синонимии юридических терминов, и по подготовке специалистов по таким смежным специальностям одновременно – это IT, лингвисты и юристы.

У нас последний выступающий и закончит, подведет итог Людмила Николаевна потом.

Драчук Мария Александровна, заместитель декана юридического факультета Омского государственного университета имени Достоевского, моя землячка, в режиме видео-конференц-связи. Тема – "Анахронизмы и необходимость системной актуализации юридической лексики в федеральном законодательстве (на примере Трудового кодекса Российской Федерации).

Пожалуйста, Мария Александровна. Извините, что так Вас... затянули до самого конца, но просьба все-таки не очень длинно.

М.А. ДРАЧУК

Здравствуйте, Елена Борисовна, коллеги! В трех словах, собственно, не касаясь, наверное, в чистом виде Трудового кодекса. Во-первых, хотелось бы отметить в плане наших рекомендаций, что закон, с моей точки зрения, думаю, все меня поддержат, должен человека образовывать и развивать. Соответственно, в этой связи должна быть определенная историческая экспертиза таких документов, которые вошли, возможно, в плохую привычку и уже, собственно, заставляют человека отставать от общего развития права. В частности, если говорить о том же Трудовом кодексе, вот набор анахронизмов: везде у нас правонарушение и наказание, а проступок, взыскание

продолжают существовать в Трудовом кодексе.

Мне иногда кажется, как практикующему юристу, что у судей даже выражение лица меняется в процессе рассмотрения трудового спора. И, естественно, такие термины, как "без последующей отработки", какие-то еще вот такого плана, отстающие, конечно, надо выявлять и жестоким образом искоренять.

Кроме того, с моей точки зрения, безусловно, надо наполнять по максимуму системной терминологией кодексы, потому что граждане ориентируются из всех федеральных законов в большей мере на кодифицированные акты. И вот для исключения таких моментов, которые связаны с дублированием или противоречием даже общих терминов, о чем сегодня много было сказано, мне представляется, что нужно усиливать бланкетность, которая тоже в том числе будет служить развитию общего представления граждан о праве. То есть если в Трудовом кодексе, например, есть какая-то жуть, простите, древняя, про корыстные преступления, которых уже нет в уголовном законодательстве, конечно, красивее было бы указать отсылкой на соответствующие составы или главы Уголовного кодекса, что, во-первых, у человека вызовет, возможно, желание изучить дополнительные документы, развить свое представление о праве, и плюс, безусловно, это сделает более простой корректировку закона в связи с тем, что они изменяются несистемно. И для того, чтобы системные изменения наблюдать, необходимо вносить изменения очень часто в пакет законов, выявляя то, где упомянуты соответствующие нормы, а за счет бланкетности мы, конечно, эту проблему решим более просто.

Буду очень благодарна приглашению на следующие

слушания. Постаралась сэкономить время. Спасибо огромное за уделенное внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Мария Александровна, спасибо за понимание.

Я предоставляю заключительное слово Людмиле Николаевне Скаковской. Пожалуйста.

Л.Н. СКАКОВСКАЯ

Уважаемая Елена Борисовна, дорогие коллеги! Прежде всего мне хотелось бы поздравить вас с днем рождения Александра Сергеевича Пушкина, с Международным днем русского языка. Ну и, конечно, найти слова, которые характеризуют нашу сегодняшнюю встречу, у Александра Сергеевича Пушкина тоже можно. Наверное, вы тоже вспомнили. Друзья мои, прекрасен наш союз – союз юристов, лингвистов, филологов.

И мне хочется прежде всего поблагодарить всех выступающих за великолепные, абсолютно роскошные, очень содержательные доклады, выступления. Настолько приятно было слушать великолепную русскую литературную речь! И, конечно, должна сказать, что тема, Елена Борисовна, которую Вы предложили, затронула сердца и умы очень многих слушателей. И я думаю, что сегодняшние парламентские слушания смотрят, наблюдают не только те, кто присутствует в этом зале, не только студенты, которые были, но и многие-многие участники, невидимые, скажем так, потому что действительно тема, которую сегодня мы обсуждаем, очень интересна каждому жителю нашей страны, потому что и слова, и юридические законы, в общем-то, проходят через всю нашу жизнь. Слово нас сопровождает от самого младенчества до глубокой старости. Без слова – никуда. Ну и, конечно, по законам нашей жизни, по юридическим законам

нашей страны мы живем.

Поэтому, Елена Борисовна, я поздравляю Вас, потому что Вы инициатор, вы создатель этих парламентских слушаний, и я очень надеюсь, что эти слушания будут продолжаться.

Те публикации, которые будут, а я не сомневаюсь, что они в течение самого короткого времени выйдут в свет, будут востребованы очень серьезно не только в юридических вузах нашей страны, но и за рубежом и, несомненно, не только филологами, лингвистами и юристами, но и очень многими специалистами нашей страны, и компьютерщиками, соответственно, тоже.

Уважаемые коллеги, спасибо вам большое и мне хочется пожелать нам дальнейшей совместной работы.

Елена Борисовна, передаю Вам слово.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Людмила Николаевна.

Уважаемые коллеги, благодарю за активное участие. На самом деле, очень интересные парламентские слушания. Пласт проблем огромный. До пятницы, до 18 часов, у вас есть возможность направить замечания и предложения к проекту рекомендаций. Все то, что я по ходу озвучивала, мы обязательно включим, где-то исправим, добавим, сейчас просто не буду перечислять весь спектр, но как раз все то, что я озвучила. И плюс ждем ваши письменные замечания и предложения. Материалы парламентских слушаний мы опубликуем, в том числе включим все то, что вы прислали отдельно в виде ваших предложений, тезисов либо презентаций в этот сборник, помимо самой стенограммы парламентских слушаний. Поэтому я благодарю за совместную работу. Если идея создания специальной комиссии, касающейся

юридической терминологии, будет поддержана, в частности, нашим комитетом по конституционному законодательству, комитетом, в который входит Людмила Николаевна Скаковская, ну и, конечно, Валентиной Ивановной Матвиенко, то я думаю, что мы будем с вами периодически встречаться и работать по этой теме.

Желаю всем успехов. Еще раз благодарю за сегодняшнюю очень конструктивную, интересную совместную работу. Спасибо.